М. ДАНИЭЛЬ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И КОМЕДИАНТ

ИСКУССТВО

М. Даниэль

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ И КОМЕДИАНТ

(Иоган Гуттенберг)

ПЬЕСА В ЧЕТЫРЕХ АКТАХ,
ВОСЬМИ КАРТИНАХ

Перевел с еврейского
Л. ОСТРОВЕР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ИСКУССТВО"
Москва 1939 *Ленинград*

Разреш. ГУРК
Бюлл. № 11—12, 1937 г.

Участвуют:

Иоган Гуттенберг — 50 лет.

Петер Шефер, Бертольд, Генрих, Отто — подмастерья Иогана Гуттенберга.

Ганс Зигфрид — комедиант, хозяин бродячего театра.

Маргарита — жена Ганса.

Агнесса — дочь.

Альберт — сын.

Якоб Фуст — бургомистр города Майнца, брат Иогана.

Иоган Фуст — богатый бюргер.

Христина — его дочь, старая дева.

Отец Франциск — настоятель монастыря св. Августина.

Отец Птоломей — настоятель монастыря св. Арбогаста.

Фома, Хома — писцы-монахи.

Купцы, ремесленники, дворяне, ландскнехты, нищие.

Время—1450—1455 гг. Место — город Майнц.

Акт первый

КАРТИНА ПЕРВАЯ

НА РЫНОЧНОЙ ПЛОЩАДИ

Златоглавый Майнц. На переднем плане — ажурная ратуша. Средневековый рынок. В центре рынка высится статуя каменного рыцаря. В руке поднятый меч — символ безграничной власти. Рядом с рыцарем стоит столб, накрытый широкополой соломенной шляпой, что означает: торжище открыто. Когда торг прекращается, базарный сторож снимает соломенную шляпу.

Рундуки и лотки. Торгоаля с рук. Не только базарная площадь, но и близлежащие дома увешаны коврами, тканями, доспехами.

Народ шныряет по базару. Прицениваются, покупают. Против ратуши стоит завешанный пологом фургон; впереди фургона — дощатый настил. Торговцы навязывают товар покупателям.

Торговец шелком. Шелк из Византии. Блиат и циндаль. Королевский пурпур. Трижды жизнью рисковал, от разбойников отбиваясь. Пятьдесят вооруженных слуг караван мой охраняли. И привез для вас, бюргеры, шелк из Византии. Блиат и циндаль. Пурпур королевский.

Торговец пряностями. Кто хочет мужу угодить, пусть ко мне за пряностями спешит. Перец из далекой

Индии. Кто хочет мужа вкусным обедом угостить, пусть ко мне за пряностями спешит. Перец из далекой Индии.

Оружейник. Рыцари благородные. Глядите. Посмотрите. Мои клинки режут железо, как щепу, а кто хочет из боя выйти невредимым, пусть в мою кольчугу облачится.

Продавец ковров. Кто хочет княжью милость заслужить, пусть купит ковер из Ливанта.

Шефен. Бюргерша, платите штраф. Ваш шлейф на четыре пальца длиннее, чем полагается по закону. Десять пфеннигов штрафу.

Бюргерша. Отстаньте. Чего привязались. Мой шлейф вымерен по магистратской мерке.

Шефен. Платите штраф. *(Мерит шлейф.)*

Бюргерша. Ищите дураков. Я платить не намерена. *(Укоризненно.)* А вы сами, господин шефен, могли бы подыскать себе более честное занятие.

Шефен *(страже)*. Отведите ее в ратушу: она оскорбила закон.

Подходит бургомистр Якоб Фуст, окруженный шефами и почтенными бюргерами. Народ подается в стороны.

Бургомистр. Здравствуйте, достославная фрау Матильда.

Бюргерша. Здравствуйте, достославный господин бургомистр. Беда с вашими шефенами.

Шефен. Шлейф на четыре пальца...

Бургомистр *(перебивает)*. Шлейф ты заметил, а то, что на рынке торгуют неплательщики налога, ты не увидел.

Шефен. Кто, благородный господин бургомистр?

Бургомистр берет шефена под руку и со всей свитой направляется к оружейнику.

Бургомистр *(оружейнику)*. Мостовые за прошлый год ты заплатил?

Оружейник *(испуганно)*. Заплатил, благородный господин бургомистр.

Бургомистр. А дорожные?

Оружейник. Двенадцать гульденов требуют с меня. Откуда я такие деньги возьму!

Бургомистр *(шефену)*. Стой здесь и принимай плату за работу. Если он сегодня не внесет три гульдена, не пускай его завтра на рынок.

Рядом с оружейником работает кожевник. Камнем обрабатывает он воловью шкуру.

Бургомистр *(кожевнику)*. Где шкуру достал?

Кожевник *(встает)*. У Вальтера из Вормса купил.

Бургомистр. А где печать магистрата?

Кожевник. Кожу продам, внесу пошлину.

Бургомистр *(одному из свиты)*. Забрать шкуру!

Кожевник. Благородный бургомистр, последние деньги...

Приближается шум. Ландскнехты ведут двух нищих.

Ландскнехт *(бургомистру)*. Милостыню просят. А в цехе нищих не состоят.

Один нищий. Милостивый господин бургомистр, не нищий, а крестьянин я. Сеньор меня из дому выгнал. Скот забрал...

Бургомистр *(второму)*. А ты кто?

Нищий. Я ткач. Цех мне работать запретил.

Бургомистр. Почему?

Ткач. Я болен был и не участвовал в шествии во славу тела господня. Я только стоял возле булочника. На хлеб смотрел, но не просил, благородный господин бургомистр.

Ландскнехт *(лезет ему в карман)*. А эти куски?

Ткач. Люди сердобольные дали. По глазам видели, что я четыре дня не ел.

Бургомистр *(вынимает деньги из кармана, дает обоим нищим)*. Как христианин я плачу над вашей несчастной судьбой, но как бургомистр я вынужден вас

изгнать из города. *(Ландскнехту.)* Выведи несчастных за ворота.

Бургомистр со свитой уходит. Нищие ошеломлены, разглядывают деньги. Из толпы выходит Ганс Зигфрид.

Ганс Зигфрид *(гладит ткача по щеке).* Как христианин я плачу над твоей несчастной судьбой. *(Внезапно ударяет его по другой щеке.)* А это как бургомистр. По закону.

Толпа хохочет. Ганс Зигфрид исчезает среди народа.

Продавец вина. Кто хочет, чтобы сердце молодело, чтоб в голове яснело, чтоб ноги были легче пуха, чтоб не терять радости духа, глотните кружку моего вина из бургундских лоз. Первую второй запейте и немного рейнского долейте. Даю я даром пробовать вино. Подходите. Глотните. Но, если вы только пробовать хотите, пусть вино замерзнет в вашей глотке... Даю я даром пробовать вино.

Голоса в толпе, что окружают винодела.

Первый. Пью за здоровье Ганса Зигфрида.

Второй. Почему он не начинает? Скоро солнце сядет.

Первый. Он ждет, чтобы мы охмелели, тогда шире раскроем кошели.

Второй. Бедовый парень. Язык, как бритва, и никого не щадит. Три месяца тому назад, когда он здесь был, всем от него досталось: магистрату и бургомистру, церкви и князьям.

Первый. Прогнали его за дерзость, а он вновь явился.

Голоса. Зигфрид! Пора начинать! Довольно приготовлений! Народ расходится, придется тебе играть перед бездомными собаками.

Из фургона выходят на помост Агнесса и Альберт Зигфриды.

ПЕСНЯ КОМЕДИАНТОВ

Ганс.
Комедиантов вас игра
Веселая зовет.
Давно притти бы вам пора,
Притти бы, ти-бы, ти-пора,
Любезный наш народ.

Припев:

Придите и послушайте
Комедиантов смех,
И наши злые шуточки,
Ах, шу-та, шу-та, шуточки
Порадуют вас всех.

Альберт.
Когда же к нам вы явитесь,
Почтенные друзья,
Вы снова позабавитесь,
Забава, ба-ва, ба-витесь,
Вам в том ручаюсь я.

Припев:

Придите и послушайте
Комедиантов смех,
И наши злые шуточки,
Ах, шу-та, шу-та, шуточки
Порадуют вас всех.

Агнесса.
Комедиантов вас игра
Веселая зовет,
Давно притти бы вам пора,
Притти бы, ти-бы, ти-пора,
Любезный наш народ.

Припев:

Придите и послушайте
Комедиантов смех,
И наши злые шуточки,
Ах, шу-та, шу-та, шуточки
Порадуют вас всех.

Альберт. Досточтимые бюргеры!
Агнесса. Почтенные бюргеры!
Альберт. Кто в бога верует!
Агнесса. А кто в чорта!
Альберт. Честные торговцы!
Агнесса. И просто воры!
Альберт. Скоро знаменитый скоморох...
Агнесса. Шпагоглотатель...
Альберт. Актер, певец и острослов...
Агнесса. Шутник и печальник...
Альберт. Пред вами предстанет. Смотрите!
Агнесса. И ничего не увидите!
Альберт. Слушайте!
Агнесса. И ничего не услышите.
Агнесса и Альберт.

Игру мы начинаем,
Игру для дураков,
А вас мы приглашаем —
Побольше медяков.

Агнесса. Мы голодны...
Альберт. Три дня не ели...
Агнесса. Ух, и надоело!..
Альберт. Мы вас предупреждаем.
Агнесса. Мы начинаем.

Альберт. Знаменитое шутовское действо, сочиненное комедиантом-поэтом и скоморохом Гансом Зигфридом. Пьесу знает весь мир под названием:

Оба. «Надутый индюк». Дорогу дайте! Дорогу дайте! Индюк идет...

Из фургона выводят огромного, пышно разукрашенного индюка: белые чулки, черные туфли с серебряными застежками, в красной кардинальской мантии. Индюка окружает пестрая свита. Музыка играет бравурный марш.

Ганс Зигфрид. Позвольте вам представить божественного индюка. Он умен, не кичлив. И справедлив... как судья.

Агнесса *(в сторону)*. Он пачкает всюду.

Альберт. Залезает в карман люду.

Агнесса. Не ждите, сами предложите!

Альберт. Он возьмет.

Ганс Зигфрид. Божественный индюк надулся. Что-то очень мудрое скажет.

Индюк. Голдер-болдер-болдер.

Ганс Зигфрид. Веселые комедианты! Что угодно божественному индюку?

Агнесса. Он сказал один раз «голдер» и дважды «болдер».

Альберт. Ты оглохла, я отчетливо слышал: один раз «болдер» и дважды «голдер».

Агнесса. Один раз «голдер» и дважды «болдер».

Альберт *(скороговоркой)*. Болдер-голдер-голдер.

Агнесса *(скороговоркой)*. Голдер-болдер-болдер.

Кричат, дерутся. Ганс Зигфрид их разнимает.

Ганс Зигфрид. Тише. Хватит. Расшумелись. Спросим почтенную публику. Славные бюргеры! Вы не помните, сколько раз божественный индюк сказал «голдер» и сколько раз «болдер»?

Голос. Один раз «голдер» и дважды «болдер».

Ганс Зигфрид. Вот оно. *(Глубокомысленно задумывается.)* Это значит, что божественный индюк проголодался. Он и его свита. Надо немедленно обложить барщиной крестьян и выколотить налоги с цеховиков и торговцев...

Ганс Зигфрид берет кнут, размахивает им.

Ищите, тащите, взыщите и несите божественному индюку и его свите кур жареных, гусей и уток, вино и мед; свинину копченую, полотно и шерсть. Взыщите, тащите, несите!

Несут со всех сторон. За сценой кричат и плачут крестьяне. На сцене растет гора припасов. Индюк и его свита танцуют. В том углу, где стоят крестьяне, нарастает шум.

Крестьянка *(вбегает на помост)*. Моя, моя хрюшка. Я узнала ее по хвосту. Пять месяцев ее поила, кормила. Вы увели ее. Увели. А ведь я ни сеньеру, ни церкви ничего не задолжала. Все уплатила. Воры, разбойники...

Крестьяне. Отдайте ей свинушку. Церкви она уплатила десятину, сеньеру она отработала барщину, королю она внесла налоги, императору она отослала овцу, городу фунт шерсти спряла.

Ганс Зигфрид. Хватит, хватит, глупый мужичонка. Это только игра, балаган. Вас потешает старый Зигфрид. Погляди — хрюшка эта глиняная.

Голоса. Тише! Тише!

Индюк *(бегает по кругу)*. Голдер-болдер. Болдер-болдер. Фрю-фрю-фрю...

Агнесса. Ох, мучить будут.

Альберт. Ох, сечь будут...

Ганс Зигфрид. Кого?

Голос. Бургомистр идет.

Подходит Якоб Фуст со свитой.

Бургомистр. Прекратить игру. Разъясни, комедиант, кого ты имеешь в виду под надутым индюком? И еще один вопрос: почему ты не представил в магистрат свою аллегорию? Почему ты не получил нашей печати на игру?

Ганс Зигфрид. Простите, достопочтимый господин бургомистр. Печать некуда ставить, разве только на мой лоб. Ведь аллегорию я только что придумал. Она записана у меня в мозгу и висит на кончике языка. Ставьте печать на мой язык. Только прошу вас, не капайте много горячего воска, чтобы вместо аллегории не выжечь языка.

Бургомистр. Молчи, дерзкий! Разъясни немедленно, кого ты показываешь под видом надутого индюка? Не то — выгоню из города.

Ганс Зигфрид. Агнесса, Альберт! И вы, веселые скоморохи! Чего вы молчите? Слышите: достославный гос-

подин бургомистр хочет нас из города прогнать. Кувыркайтесь, пляшите, говорите, разъясняйте! Может, сжалится справедливый господин бургомистр...

Зигфрид шепчет что-то на ухо Агнессе. Альберт, Агнесса и несколько персонажей из свиты индюка делают смешные курбеты.

Агнесса. Если я скажу, что под видом индюка мой отец показал барона, который ходит вечно надутый, кудахчет, кричит и шумит, а когда вырывают перья из его пышной шляпы *(срывает шляпу с головы дворянина, вырывает перья)*, то оказывается, что его голова — пуста...

Альберт *(постукивает по пустому горшку)*. Слышите, бюргеры! Пустой!

Ганс Зигфрид. Не сердитесь, благородный барон, она только шутит. *(Возвращает ему шляпу.)* Если я подтвержу слова дочери, то бургомистр меня, наверное, из города прогонит. Тогда не лучше ли сказать, что я вывел обыкновенного индюка. А каждый знает, что индюк имеет привычку спесиво надуваться.

Альберт *(поворачивается в ту сторону, где стоят монахи)*. А если мы вывели слуг божьих...

Ганс Зигфрид *(зажимает сыну рот)*. Молчи, дурак! Если бы я вывел слуг божьих, которые творят молитвы на непонятном языке, но требуют за это понятные дары, то нас изжарили бы на костре, как еретиков. Пусть лучше будет так, что мы никого не думали. Обыкновенный надутый индюк...

Агнесса. Позвольте! Может, это ремесленник или крестьянин, который живет впроголодь, ходит в отрепьях, платит налоги и вместо того, чтобы взяться за ум, кудахчет голдер-болдер... А епископы, князья, бароны, бургомистры и ратманы потешаются над ним, как дети над надутым индюком.

Голоса *(из свиты бургомистра)*. Она зовет к бунту! Она подстрекает народ!

Голоса *(среди ремесленников).* Говори, Агнесса, мы понимаем. Всем досталось по заслугам.

Голос. Выгнать из города.

Голоса. Она поносит германцев.

— Уйди, крыса, глаза выцарапаю.

— Тише. Бургомистр хочет сказать.

Бургомистр. Слушай, Зигфрид, мое последнее слово: в течение двух дней представь в магистрат свою аллегорию в пяти списках, четко написанных на хорошей бумаге или на тонком пергаменте.

Ганс Зигфрид. Справедливый господин бургомистр! Пять списков?

Бургомистр. Это немного.

Индюк. Ганс! Что ты молчишь? Всего нашего состояния нехватит на оплату переписчиков.

Ганс Зигфрид. Господин бургомистр, сами знаете, монахи и в месяц не перепишут. Скажите честно бедному комедианту: «Я запрещаю тебе выступать в Майнце».

Бургомистр. Я не запрещаю тебе, друг мой. Представишь в ратушу пять списков, ратманы прочтут твое сочинение, одобрят или... запретят.

Голос. Я дал переписать брачный договор и то четыре гульдена заплатил монахам.

Другой голос. Заявление в цех на десяти маленьких страницах писцы писали от святого Власия до святого Фомы.

Ганс Зигфрид *(обращается к стоящему в стороне монаху).* Святой отец, за сколько недель перепишут в вашем монастыре 30—35 страниц?

Монах *(подмигивает бургомистру).* В нашей святой обители ереси не переписывают.

Бургомистр. Не падай духом, друг мой. В одном монастыре не перепишут, так перепишут в другом, третьем. Ищите и обрящете — сказано в священном писании. А вы, бюргеры, разойдитесь по домам. Стража! Очистить рынок!

Стража разгоняет народ. Один из них снимает соломенную шляпу со столба. Остаются Зигфрид со своей труппой.

Ганс Зигфрид. Доигрались.

Ах, ты милый Ганзеле,
Пуст твой карман,
Юность — обман...
Ах, ты милый Ганзеле,
Всюду обман.

Ах, ты милый Ганзеле,
Юности нет,
Нету монет,
Ах, ты милый Ганзеле,
Ничего нет.

Ах, ты милый Ганзеле,
Денег — не жди.
Юность, прости.
Ах, ты милый Ганзеле,
Все — позади.

Пять копий. История на несколько недель. А денег, денег откуда взять?

Альберт. А что если монахи-писцы не согласятся переписать «Надутого индюка»? Ересь, скажут.

Агнесса. Надо ноги уносить.

Индюк. Куда? Отовсюду гонят... *(Бегает по сцене; из-под перьев вылезает юбка; к концу монолога индюк превращается в немолодую женщину.)* Чтоб тебе провалиться, старый шут! Сердце мне подсказывало, что наплачемся с твоим «Индюком». Голдер-болдер, голдер-болдер... Знаешь, старый дурак, с кем ты тягаешься? С бургомистром Фустом. Выгнать нас из города ему легче, чем мне выдрать все волосы на твоей голове.

Ганс Зигфрид. Не надо.

Маргарита. Что не надо?

Ганс Зигфрид. Сразу все волосы вырывать, потому что при следующем несчастье нечего будет вырывать.

Агнесса. Альберт, заткни уши! Мама навряд ли к вечеру кончит.

Маргарита. Что она сказала?

Альберт. Она сказала, мамочка, что ты права.

Маргарита. Слушай, старый осел, что умные дети говорят. Надо было веселую песенку спеть, фокусы показать, подурачиться, собрать денежки и уехать. А теперь что будет? Что будет с нами, спрашиваю? Денег — нет, крыша на фургоне просвечивает, как решето, лошади на ногах не стоят, дети голодны. Голдер-болдер! Что будет, спрашиваю? *(Плачет.)*

Ганс Зигфрид. Успокойся, Маргарита. Придумаю что-нибудь.

Лошадь в поисках за кормом протягивает морду к Маргарите.

Маргарита *(нежно)*. Разве я плачу?! Мне только стыдно лошади в глаза смотреть. Чем она виновата, что у моего мужа язычок острый? *(Поднимается, сразу делается бодрой.)* А ну-ка, Ганс! И вы, детки! Хватит горевать. Соберите все, что можно продать. Отправляйтесь в монастырь, пусть писцы перепишут «Надутого индюка».

Ганс Зигфрид *(обращается к лошади)*. А как ты думаешь, Мориц, бургомистр порядочный негодяй?

Лошадь качает головой.

Правильно, я того же мнения. А теперь скажи мне, Мориц, сколько потребуют монахи за переписку «Индюка»?

Лошадь качает головой.

Ты не знаешь? И я не знаю. *(Шарит по карманам, пусто.)* Маловато, Мориц. Правда? Берите, дети, вещи и отправляйтесь. Монахи все принимают.

Агнесса. Я отдам писцам золотой браслет.

Маргарита. Сними его.

Агнесса снимает.

Дай его.

Агнесса. На, мама.

Маргарита *(прячет браслет за пазуху)*. Чтоб я боль-

ше не слышала глупых слов. Отдать браслет. Более умное тебе в голову не пришло. Скорее свое единственное платье продам, чем твой браслет трогать. *(Ласково.)* Идите, детки, идите...

Оба выходят из фургона, затягивают полог.

Альберт. Я немного проголодался. Жареного поросеночка или отварную курочку, две мисочки супа, горшочек...

Агнесса. Хватит. Перестань. От твоих слов засосало под ложечкой. Мне так кушать хочется.

Альберт. Давай поищем.

Агнесса. Где?

Альберт. После монастыря зайдем в харчевню, в винный погребок, там, где жрут богатые бюргеры. Споем песенку, фокусы покажем. Накормят. Идем, сестрица.

Агнесса. Иди один. Если раздобудешь, принесешь сюда. Отец и мать тоже голодны.

Альберт. А ты почему не хочешь итти?

Агнесса. Петера жду. Помнишь? Три месяца тому назад, когда мы здесь были... Подмастерье Петер... Он, наверное, придет. *(Прикладывает его руку к груди.)* Слышишь, как сердце стучит? Как тебе кажется—он придет?

Альберт. Мне кажется — еще несколько слов, и я с голоду подохну. Слышишь, как урчит в моем желудке?

Убегает.

Агнесса *(снимает платок с головы, расчесывает пальцами бахрому)*. Придет — не придет, придет — не придет, придет — не придет. Неправильно считаю: не придет — придет, не придет — придет... Теперь правильно. Почему он не идет? Уже два вечера я его напрасно поджидаю. *(Поет.)*

Сколько звезд на небосводе,
Синем бархатном шатре,
Столько, милый, я приветов,
Я приветов шлю тебе.

И овечек сколько бродит
По зеленой мураве,
Столько, милый, я приветов,
Я приветов шлю тебе.

Сколько пташек ввысь несется
И, порхая, вьется, вьется,
Столько, милый, я приветов,
Я приветов шлю тебе.

Петер *(с другой стороны).* У-у! У-у!

Агнесса. Он... Его голос... Петер! Где ты? Иди сюда!

Петер. У-у!

Агнесса. Третий день я его жду, а он еще меня дразнит. *(Берет палку.)* Кто там? Наверно, медведь из лесу или злой волк. Береги свою шкуру. Я тебя угощу. *(Бьет.)*

Петер. Спасибо за угощение. Я сыт.

Агнесса *(бросает палку, танцует).* Петер! Петерхен! Петер пришел. А где ты был вчера? И позавчера?

Петер. Я очень занят.

Агнесса. А чем ты так занят? Изволь рассказать.

Петер. Тайна. А у женщин язык длинный.

Агнесса. Неправда. На, смотри. Отец говорит, что мой язык чуточку короче, чем у других, потому я и лопочу так быстро. Язык не может удержать слова во рту. Убедился? Теперь рассказывай.

Петер. Но — никому ни слова. Я работаю у Иогана Гуттенберга. Он выдумал, как печатать книги. Свинцовыми буквами. Каждую букву отдельно. Поняла? Сегодня ночью снимаем с форм готовые оттиски. Поняла? Если краска пристанет к бумаге, мы заработаем мешки золота. Поняла? Все князья, герцоги, епископы, ученые и писатели — все, все будут у нас печатать свои книги. Поняла?

Агнесса. Ничего не поняла, Петер, но я тебе верю.

Петер. Много, очень много денег мы заработаем, потому что свинцовые буквы...

Агнесса. Ты думал обо мне? Скажи — да! А я по тебе так тосковала! Особенно по ночам. Фургон едет по гу-

стому лесу, деревья шумят, волки воют, вдали на горе светятся окна в большом монастыре...

Петер. Понимаешь, в монастыре каждую книгу переписывают годами, а денег сколько стоит переписка!

Агнесса. Сижу я в фургоне, гляжу в тот край неба, который висит над Майнцем, и думаю: вот ты в эту минуту так же сидишь на крылечке и так же смотришь на эту самую звезду. Хочу всегда, всегда быть с тобою...

Петер. Скоро, Агнесса, заработаю много денег...

Из-за фургона выглядывает Генрих.

Куплю дом, в цех вступлю, открою собственную книгопечатню. Тебя я буду в шелка рядить даже по будням. Мы будем так богаты. Но что с тобою?

Агнесса *(точно во сне)*. Богаты... В шелка рядить... Бургомистр нас из города гонит.

Петер. Почему?

Агнесса. Отец новую аллегорию сочинил, а бургомистр требует, чтобы мы ее в магистрат представили в пяти списках, на хорошей бумаге или на тонком пергаменте А где деньги взять: писцы-монахи дорого требуют, а времени сколько уйдет. Погоди, погоди. А теми буквами, которые твой мастер Гуттенберг выдумал, можно написать сочинение отца?

Петер. Я ей целый вечер толкую, а она еще спрашивает.

Агнесса. Как? Как? Расскажи, Петерхен!

Петер. Очень просто. Букву к букве складываем, наносим краску на буквы, прикладываем лист бумаги, кладем под пресс, и вот отпечатан один лист, второй, третий...

Агнесса. Вот счастье! Идем. Мама плачет, отец озабочен. *(Тянет его к фургону.)* Идем, идем! *(Откидывает полог рукой, кричит.)* Отец, мать! Вот Петер. Вы его не знаете. Но это неважно. Знаешь, отец, он умеет писать свинцовыми буквами. Мазок краской, нажим прессом — и твоя аллегория готова. Правда, Петер? Скажи — да.

Ганс Зигфрид. Какой мазок? Какой нажим? Ничего не понимаю. И кто этот парень?

Агнесса. Петер, Петер. Ты его не знаешь. Но это неважно. Идем к его мастеру, к Иогану Гуттенбергу. Он напишет. Три списка, пять списков, десять... Правда, Петер?

Петер. Ясно. Иоган Гуттенберг мне не откажет: он меня любит, как родного сына. А я-то с радостью услужу родителям моей невесты.

Маргарита. Кто ваша невеста? Вот эта коза?

Петер *(механически повторяет)*. Да. Эта коза.

Агнесса. Кто коза? Я-я... *(Плачет.)*

Ганс Зигфрид. Успокойся, доченька. Если ты коза, то я козел, а твоя мать... но это неважно. Коза ли ты или невеста, еще посмотрим. Если же правда то, что вы можете переписать мою аллегорию...

Агнесса. Одевайся, мама. Пойдем.

Петер. Нет, нет. Только не сейчас. Никто в городе не должен знать, что выдумал Иоган Гуттенберг. Это тайна. В полночь я приду за вами, отведу вас в мастерскую. А теперь я спешу. Спокойной ночи.

Ганс Зигфрид. Будем вас ждать. Передайте привет моему старому другу Иогану Гуттенбергу от комедианта Ганса Зигфрида. Давным-давно, когда мы оба были подмастерьями, не одну неделю и не один месяц постранствовали мы вместе по германской земле.

Петер. Передам. Скоро вернусь.

Агнесса. Покойной ночи, Петер.

Петер уходит.

Отец, мать, чего вы пригорюнились? Может, потому, что денег нет, что крыша на фургоне просвечивает, как решето, что лошади на ногах не стоят?! Возьмемся за руки, споем песенку, да такую веселую, чтобы бургомистр со всеми своими ратманами от зависти лопнули... *(Поет, танцует, чтобы развеселить родителей.)*

Комедиантов вас игра
Веселая зовет,
Давно притти бы вам пора,
Притти бы, ти-бы, ти-пора,
Любезный наш народ.

Придите и послушайте
Комедиантов смех,
И наши злые шуточки,
Ах, шу-та, шу-та, шуточки
Порадуют вас всех.

Занавес

КАРТИНА ВТОРАЯ

БЕСПОКОЙНАЯ НОЧЬ

Вечер. В церкви звонят беспокойно, торопливо. Перезвон постепенно затихает. Перед занавесом появляются две старушки.

Первая. Говорят, соседка, будто ночью, когда город засыпает, зажигается синий огонек в доме мастера Гуттенберга.

Вторая. Не огонек, соседка, а адово пламя. Оно так и пышет, пышет из окон. *(На ухо.)* Если в этот поганый час верующий проходит мимо дома нечестивца, то вмиг превращается святой человек в пепел.

Первая. Говорят, соседка, что он колдовские камни в золото превращает.

Обе. Золото!

Первая. Сжечь его, поганца, на костре.

Вторая. Из города изгнать.

Сумасшедший *(пробегая, шепчет)*. Сегодня ночью покус-фокус рук и рак, сегодня ночью будет в Майнце рук и рак.

Первая. Скорее домой. Сегодня ночью будет... Сумасшедший не ошибается. Он чувствует. Сегодня ночью...

Уходят. Появляется бургомистр Фуст, отец Франциск, отец Птоломей; за ними следуют монахи-писцы Фома и Хома.

Отец Франциск. Палачу его передать. Он колдун, черной магией занимается. Его дом и все его добро надо отписать святой церкви.

Бургомистр. Или магистрату.

Отец Птоломей. Дерзость еретика. Свинцовыми буквами хочет он святую библию написать.

Бургомистр. А ваши писцы-монахи?! Понимаю... понимаю... Какое святотатство. Но успокойтесь, ревнители церкви. Сегодня ночью с ним прикончим.

Подходят Фома и Хома.

Фома. Видел. Все видели. Адский огонь. Пылает в очаге, и белые черти пляшут в мастерской.

Хома. Не белые, а голубые, голубые, с длинными хвостами.

Фома. С короткими, короткими и усеченными.

Отец Франциск. Короткие, длинные — неважно. Где сам Гуттенберг?

Фома. Он стоит возле чудного стола, а вокруг, на полу — бумага, стружка и куски свинца.

Отец Птоломей. Надо немедленно итти. Надо захватить его за нечистым делом.

Бургомистр. Святые отцы, не торопитесь. Рано еще. В ратуше заседают цеховики. Узнают и шум подымут. Они ведь уважают богомерзкого Гуттенберга. Разойдемся по домам, святые отцы, а когда сторож объявит полночь, здесь же соберемся. *(Уходит.)*

К бургомистру подбегает начальник ландскнехтов.

Начальник. Жду ваших приказаний, патриций.

Бургомистр. Незаметно, поодиночке, стяните десять молодцов к дому мастера Гуттенберга. Укройтесь в саду и ждите приказаний. Никому ни слова.

Начальник. Все будет в точности исполнено.

Оба уходят.

Занавес

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Длинная, узкая комната. На столах — деревянные и свинцовые буквы. Листы бумаги, инструменты, краска в чашах. Толстые восковые свечи горят в приземистых подсвечниках. В глубине — очаг. В мастерской, кроме Гуттенберга, находятся подмастерья: Генрих, Бертольд и Отто. На одном из столов стоит глиняный кувшин, несколько деревянных кружек, скромная закуска.

Гуттенберг. Наливайте до краев. Пусть пенится вино в наших кружках. Будем пить, но не пьянеть. Несите сюда формы.

Приносят

Друзья, ваши кружки. Прозит!

Выпивают.

Друзья! Если получится так, как я задумал, то сегодняшняя ночь будет самой счастливой в моей жизни!

Генрих. Получится, мастер.

Гуттенберг. Подбери букву к букве. Вот так. Теперь смажь буквы краской.

Генрих исполняет.

Накрой шрифт бумагой.

Генрих кладет лист бумаги.

Отпусти пресс и нажимай. Крепче! Еще крепче! *(Уходит в сторону.)* Спокойно, Иоган. *(Бросается к прессу.)* Давайте! Я сам! Не-нет, сделайте вы... без меня. Сердце шалит, и руки не повинуются... Спокойно, мастер Иоган. *(Отходит в сторону.)*

За это время Генрих отпечатал первый оттиск.

Генрих. Мастер, не получилось.

Гуттенберг *(не поворачивая к нему лица)*. Дай оттиск.

Генрих *(подавая)*. Буквы слились... Читать трудно...

Гуттенберг. Молчать. Другой лист. Тоньше краску.

Подмастерья исполняют.

Мягче, мягче нажимайте... Спокойно...

Бертольд. Мастер, прости меня. В городе говорят, что мы колдовством занимаемся. Прости меня, мастер. Но сердце неспокойно... Сегодня ночью беда стрясется...

Гуттенберг *(строго)*. Что? Что?

Бертольд. Мастер. Прости меня. Двери и окна надо запереть и свечи надо тушить...

Гуттенберг. Не допускать его к станку. Бертольд— трус.

Бертольд. Мастер. Прости меня. Слухи...

Гуттенберг. Дверь открыта.

Бертольд. Я хочу остаться... но... носятся слухи...

Гуттенберг. На то они и слухи, чтобы носились. И запомни! Люди, которые всего боятся, не выдумают ничего, кроме трусости... И убирайся!

Бертольд уходит.

Отто! Закрой дверь!

Генрих *(испуганно)*. Мастер... Мастер...

Гуттенберг. Что? Что?

Генрих. Учитель! Смотрите!

Гуттенберг. Дай лист.

Генрих подает. Гуттенберг только взглянул на оттиск и, усталый, упал на скамью. Несколько мгновений сидит он с закрытыми глазами. Подмастерья обеспокоены. Отто подает мастеру кружку вина. Генрих его отстраняет. Гуттенберг открывает глаза. Хватает оттиск, всматривается и широким жестом вытирает пот со лба.

Дети, наполняйте кружки. Вышло! Вот оно! Есть! Вас не сотрешь! Пейте, дети, за нашу удачу!

Раздается стук в дверь.

Накройте станок. *(У двери.)* Кто там?

Голос. Я, Петер. Откройте, учитель.

Гуттенберг сам открывает дверь. Входят Петер, Агнесса, Ганс Зигфрид, Маргарита и Альберт.

Агнесса *(с порога)*. Вы мастер Иоган Гуттенберг? Добрый вечер. Это мой отец, а это его жена и моя мать. А это — брат. В один присест он может скушать... Мы вам не помешали? Видишь, Петер, как нам рады, а ты не хотел нас сюда вести.

Ганс Зигфрид. Ты все еще не узнал меня? Помнишь наши скитания? Мы с тобой тогда были юны и легкомысленны. А теперь — волосы мои белее снега...

Гуттенберг *(не слушая)*. Да, да... белее снега... Генрих, где оттиск? *(Рассматривает оттиск, подходит к прессу, срывает холстину, поворачивается к гостям, удивленно смотрит на них, точно только что их заметил.)* Ганс! Как хорошо, что ты пришел ко мне сегодня, именно сегодня. Сердце одного человека не может вместить такой огромной радости... Но почему стоишь? Генрих! Отто! Скамьи!

Подмастерья подвигают скамьи, но Гуттенберг тащит Ганса к станку.

Смотри! Первый лист... Только что родился. Не зря пропали бессонные ночи... Генрих! Давай бумагу. Нет-нет! Разбрось шрифт! Ганс, друг! Ты понимаешь, что я сделал? Я буду молчать, а ты говори, говори. Хочу из твоих уст услышать о моей работе.

Ганс Зигфрид *(растерянно)*. Прости меня, друг Иоган. Вижу доски, вижу свинцовые буквы, исписанный лист бумаги, какой-то странный станок... но для чего все это? Я ничего не понимаю.

Гуттенберг. Ах, да. Ты еще не знаешь! Ведь сегодня праздник. Праздник! Понимаешь? В бессонные ночи я думал: если сделать так, чтобы стало много книг. Без денег, без друзей, без помощи... пять лет ушло только на то, чтобы найти подходящее дерево. Но дерево не прочно.

Крошится, краску всасывает. Нет, Ганс, дерево не годится. *(Бросает дощечку.)* Вот он, первый лист! Отпечатан моими свинцовыми буквами. Книги, как голуби, разлетятся по всему миру. Монахи веками держали их в плену. Годами переписывали каждый экземпляр. Не выпускали книгу из монастырских келий. Ганс! Скажи! Ты понимаешь, что я выдумал?

Ганс Зигфрид. Руку дай. Обними меня. Но говорить я буду не здесь, а на рынках, в людской толчее, в торговых городах, в дворянских замках, в монастырях — всюду я разнесу благостную весть.

Гуттенберг. Хватит, дорогой Ганс. Голова кружится. Счастье оказалось хмельнее бургундского вина. Поговорим о твоих делах.

Маргарита *(тихо)*. Пять списков пусть сделает.

Агнесса. Скажи ему о нас.

Петер. Скажите.

Гуттенберг *(обнимает Ганса)*. Сколько лет!.. А ты все такой же, все та же перелетная птичка. Неизменно весел. Всегда острое словцо на языке... *(Сам наливает кружки.)*

Ганс Зигфрид. Нет, Иоган. Сегодня мне грустно. Бургомистр оборвал мою игру. Жгут невысказанные слова. Да и дети у меня невоспитанные, все кушать просят.

Альберт. Мастер, вы его не слушайте. Мы уже отвыкли от еды. Он нас кормит одними остротами.

Маргарита. Голдер-болдер-голдер! Я предчувствовала, что так будет. Бездельник! Нашел время для болтовни! Мастер, нас несчастье постигло. Бургомистр, чтоб ему...

Альберт. Мама, сжалься над моим желудком. Позволь мне подкрепиться... Ваше здоровье, мастер!

Маргарита. Вот невежа! Расположился, как у себя дома.

Генрих. Ваш сын молодец. Покушайте и вы, фрау Зигфрид. Запейте горе. А нам какая честь! Мы не думали, что лучший комедиант Германии пожалует к нам в гости.

Ганс Зигфрид. Что сказал этот парень?

Генрих. Я сказал — лучший комедиант Германии.

Ганс Зигфрид. А ты слышал мою аллегорию? Видел «Надутого индюка»?

Генрих. И видел и слышал. И в прошлый ваш приезд я представления не пропускал. Помню, как попало нашему бургомистру, как вы монахов пощекотали...

Отто. А я помню ваши песни. Если мастер разрешит, я их наберу свинцовыми буквами...

Ганс Зигфрид. Агнесса, Альберт, Маргарита. В этом доме знают и почитают уличного комедианта Ганса Зигфрида. Ваше здоровье, мастер Иоган. Здоровье ваших честных подмастерьев.

Маргарита *(на ухо Гансу)*. Пусть сделают пять оттисков.

Агнесса *(тихо)*. Скажи ему о нас.

Петер. Скажите.

Гуттенберг. Что за шопот? У ремесленника Гуттенберга говорят полным голосом.

Ганс Зигфрид. Ты можешь мне помочь, друг Иоган. Но об этом после. Дети хотят тебе рассказать о своей любви.

Гуттенберг. Говорите, говорите.

Ганс Зигфрид. Петер, не стесняйся. Протяни Агнессе руку, и пусть благородный Иоган будет свидетелем, что дочь Ганса Зигфрида обручилась с подмастерьем Петером.

Агнесса *(Петеру)*. Скажи — да.

Петер. Мастер. Я с нетерпением ожидал приезда Агнессы...

Гуттенберг. Довольно. Настоящая любовь немногословна. Протяни ей руку.

Генрих *(громким шопотом)*. Загляни Петеру в глаза. Обманет. Он не стоит ее...

Отто. А ты ее стоишь?

Генрих *(растерянно)*. Я?

Агнесса. Дорогой мастер. Прежде чем стать невестой Петера, я прошу меня выслушать.

Гуттенберг. Я слушаю, дитя.

Маргарита *(перебивает)*. Точно так, как ее отец. Как начнет рассказывать, так можно уснуть, проснуться и еще раз уснуть, а он все еще у самого начала своего рассказа. Зачем долго голову морочить...

Ганс Зигфрид. Вот это коротко сказала.

Гуттенберг. Простите, фрау Зигфрид, пусть уж ваша дочь расскажет.

Маргарита. Пусть она, только покороче.

Альберт. Мама, ты просила воды. Вот ведро. *(Отводит ее.)*

Гуттенберг. Так какая у тебя просьба?

Агнесса. Бургомистр требует пять списков новой пьесы. Иначе прогонит нас из Майнца. В день моего обручения прошу я вас — напишите свинцовыми буквами «Надутого индюка».

Гуттенберг. Генрих! Отто! Петер! Отпечатаем сотню списков! Пусть народ читает, играет, поет и добрым словом вспоминает Ганса Зигфрида! Петер! Протяни руку Агнессе. Наполняйте кружки. И споем, друзья. Два праздника в одну ночь.

Тихо поют.

Все здесь образ свой меняет
Под неверною луной,
Появившись, исчезает
Птица, зверь и злак земной.

Но не все на свете бренно,
Дружбу крепче береги,
Трудовое наше племя
Никому не победить.

Все исчезнет, не вернется,
Улетучится, как дым,
Труд великий остается
Вечным, сильным, молодым...

Но не все на свете бренно,
Дружбу крепче береги,
Трудовое наше племя
Никому не победить.

Отто. Споем Михеля!
Все. Михеля, Михеля!

Вчера вечером был
Дядя Михель здесь,
Вчера вечером был
Дядя Михель тут.
Дядя Михель был
Вчера вечером здесь,
Вчера вечером
Был он тут.
Кто говорит — нет,
А кто говорит — да.
Дядя Михель говорит
И нет и да.

Стучат в дверь.

Гуттенберг. Кто?

Бургомистр *(за дверью)*. Именем магистрата, откройте!

Петер. Беда. Надо спрятаться.

Гуттенберг. Не сметь прятаться. Мы встретим их, как подобает честным ремесленникам.

Бургомистр *(за дверью)*. За то, что заставляешь ждать бургомистра, ответишь перед судом. Открой немедленно, иначе прикажу дверь высадить.

Входят бургомистр, отцы Птоломей и Франциск, монахи Хома и Фома и начальник ландскнехтов.

Ганс Зигфрид. Простите нас, господин бургомистр, мы вашего голоса не узнали. Мы полагали, что в такой поздний час могут стучаться только разбойники.

Бургомистр. Не с тобою, шут, я пришел беседовать. Кто здесь Иоган Гуттенберг?

Гуттенберг. Пять лет я имею честь проживать в золотом Майнце. Неужели вы не знаете меня?

Бургомистр. До сегодняшнего дня я полагал, что Иоган Гуттенберг честный гравер и шлифовальщик зеркал.

Гуттенберг. Он таким и остался.

Бургомистр. Лжешь! В магистрате получен донос за подписями трех патрициев. Они сообщают, что ты занимаешься черной магией и алхимией, что ты колдуешь по ночам. Скажи, почему топится твой очаг в такое время, когда честным бюргерам спать полагается? И что у тебя ночью делает шут со своею семьей?

Гуттенберг. Если мое желание дешево и быстро печатать книги называется алхимией, — то я алхимик. Если мое желание оградить библию от ошибок безграмотных писцов называется черной магией, — то я маг. Если моя мечта дать народу много книг называется колдовством, — то я и мои подмастерья колдуны.

Отец Франциск. Ересь! Ересь!

Отец Птоломей. Иоган Гуттенберг, с незапамятных времен священные книги переписываются руками святых монахов. А ты, нечестивец, хочешь живые руки заменить дьявольскими машинами. Отвечай, правда это?

Бургомистр. Правда это?

Гуттенберг. Правда. Вот он, мой станок. Он сколочен из крепкого материала и не дьявол его сделал, а я сам, вот этими руками.

Отец Франциск. Ересь! Ересь! Немедленно разбить станок, уничтожить...

Фома. Отец Франциск! Вот они, дьявольские буквы, которые он выплавлял в адовом огне.

Хома. Колдовством!

Фома. Огонь еще тлеет. Подайте ведро. Я потушу это дьявольское пламя.

Хома. Я слышу голос распятого. Он говорит мне: «уничтожь все, что видишь в комнате нечестивца».

Отец Птоломей. Желание господа нашего для нас священно. Уничтожьте все, что в этой комнате находится.

Отец Франциск. Ересь! Ересь!

Бургомистр. И для меня веление господа — закон.

Стеной надвигаются монахи. Бургомистр и начальник ландскнехтов приближаются к станку. Внезапно отступают.

Гуттенберг. Ни шагу дальше! Вы лжете! Не божье веленье вами руководит, а подлый страх, как бы народ не узнал, что в этих книгах написано! Но довольно шутить. *(Измененным голосом.)* В моей работе нет колдовства, нет! Садитесь, господин бургомистр, и вы, почтенные отцы. Смотрите! *(Порывисто хватает со стола шрифт, набирает несколько строк, кладет набор под пресс и делает пять оттисков. Возбужденный, радостный, показывает он готовые оттиски бургомистру.)* Смотрите, господин бургомистр. Писцы потратили бы на это два дня и переписали бы с ошибками, а у меня...

По лицу бургомистра Фуста заметно, что он начинает понимать важность гуттенберговского изобретения.

Фома *(крестится)*. Воздух здесь осквернен.

Отец Птоломей. Сгинь, сгинь, дьявол, не приближайся.

Отец Франциск. Ересь! Ересь!

Хома *(с ведром воды)*. Залить дьявольское пламя!

Генрих *(хватает ведро. Бросается к Хоме)*. А ну! Поставь ведро на место! Поставь!

Петер *(на коленях перед бургомистром)*. Благородный господин бургомистр. И вы, набожные отцы, не разрушайте труды наши. Мы обязуемся бесплатно печатать магистратские регистры и мемории, а для святой церкви священные книги. Не разрушайте трудов наших...

Гуттенберг. Встань!

Генрих. Не позорь цех!

Петер. Не встану, пока благородный господин бургомистр не смилостивится.

Агнесса. Петер, мне стыдно за тебя. В час нашего обручения я вижу тебя на коленях.

Петер *(встает)*. Молчи, Агнесса. Ты губишь себя и меня.

Ганс Зигфрид. Одно только слово, господин бургомистр. Вы меня обязали представить пять списков. Мастер Гуттенберг согласился выполнить ваше приказание.

Бургомистр. Такими еретическими списками я не оскверню свои руки. Наши отцы и деды читали по писанному, читали то, что писали благочестивые руки. А это... запрещаю.

Маргарита. Ты запрещаешь? Днем ты приказываешь, а ночью запрещаешь выполнить свое приказание. Я уже старуха. Мне не страшны твои угрозы. Я хочу знать, когда бургомистр города Майнца говорит правду: днем или ночью?

Бургомистр *(не обращая внимания на Маргариту, Гуттенбергу)*. Это козни дьявола. Не может человек в минуту сделать работу трех дней. Друг мой. Сердце плачет, но я вынужден тебя изгнать из города, а твою еретическую мастерскую передать магистрату. Пусть патриции решат, что с нею делать. На костре ли сжечь, в реке ли утопить...

Ганс Зигфрид *(в тон)*. Или к себе на дом перенести...

Гуттенберг. Молчи, Ганс! Ты здесь только гость. *(Бургомистру.)* А вашу милость прошу забыть его дерзость. Вы возбуждены. Утром вам самому все в другом свете представится. А я пока отпечатаю веселую пьесу бедного комедианта.

Бургомистр. Довольно! Монах Фома будет считать до двадцати. За это время ты мне добровольно выдашь пресс и все свинцовые буквы. Брат Фома, считай.

Фома *(скоро)*. Раз, два, три, четыре...

Агнесса. Чего торопишься? Язык проглотишь.

Генрих. Чтобы не ошибался, я палкой прослежу за счетом. *(Бьет Фому палкой.)*

Бургомистр. Шесть, семь...

Фома. Восемь, девять...

Гуттенберг. Если так... *(Встает, закатывает рукава.)* Кто посмеет сделать хоть один шаг, тот не увидит завтрашнего дня.

Гуттенберг, Зигфриды, Генрих и Отто хватают кто скамью, кто палку.

Отец Птоломей. Заклинаю вас ранами Христа: не сопротивляйтесь. А ты, сын мой Иоган, оставь наш город с миром в сердце.

Бургомистр. Будете свидетельствовать перед богом и судом, что я не искал ссоры с мастером Гуттенбергом. *(Начальнику стражи.)* Введи ландскнехтов.

Ландскнехты входят.

Бургомистр. Отвести в тюрьму колдуна Гуттенберга и его подмастерьев.

Ганс Зигфрид. Врет бургомистр! Иоган Гуттенберг не колдун. Его станок принесет счастье народу! Не в тюрьме его место, а в ратуше!

Бургомистр. В тюрьму, за дерзкие слова!

Маргарита. Он правду сказал.

Бургомистр. Всех забрать!

Агнесса. В день обручения!

Гуттенберг. Нет вины на мне. Я работал для блага людей. Пусть меня на костре жгут, на виселице душат, но в моих свинцовых буквах нет колдовства!!

Отец Франциск. Ересь! Ересь!

Отец Птоломей. Лжешь, еретик! Прежде, чем ты этот дом покинешь, будут уничтожены дьявольские буквы. *(Ломает оборудование. Фома и Хома помогают.)*

Гуттенберг. Боже! Ты всемогущ: пусть ослепнет Иоган Гуттенберг. *(Закрывает лицо руками. Сгорбленный уходит.)*

Занавес

Акт второй

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

ТРИ ВОРА И ГУТТЕНБЕРГ

Низенькая монастырская келья со сводчатым потолком. Стены разделаны деревянной панелью. Узкое окно, составленное из мелких квадратов. В келье двое дверей: одна — высокая — ведет в коридор, другая — низенькая — в соседнюю келью. В первой двери, обитой железными полосами, вырезан глазок. Альберт стоит у глазка. Ганс Зигфрид, Маргарита и Агнесса сидят на полу. Все напряженно прислушиваются.

Альберт. Кто-то идет.

Ганс Зигфрид *(вскрикивает)*. Пусти меня!

Маргарита *(встревоженно)*. Кто?

Ганс Зигфрид. Монах.

Альберт *(повеселев)*. Обед! Обед!

Ганс Зигфрид. Мимо прошел.

Отто *(появляется из соседней кельи)*. Ганс! Кто-то ночью подкинул нам инструменты. Мастер всю ночь не спал. Шагал и шагал. *(Тихо.)* Думал, как лучше спилить решетку.

Гуттенберг *(сильно склонившись, выходит из со-*

седней кельи. В левой руке — топор). Доски... доски мне нужны... Где доски достать?

Вслед за Гуттенбергом входят Генрих и Петер. Агнесса отзывает Петера к окну.

Бертольд мне инструменты передал. Умница Бертольд. До суда успею сделать новый станок. Точно такой, какой они разрушили... Доски мне нужны... *(Замечает панель.)* Вот доски! *(Подходит к стене, отрывает доску.)*

Маргарита. Мастер! Что вы делаете?

Петер *(издали).* Учитель! Стража услышит!

Ганс Зигфрид *(берет Гуттенберга за руку).* Иоган, что ты затеваешь?

Гуттенберг. На суде докажу, что нет колдовства в моей работе. Пусть судьи, пусть весь народ собственными руками трогают мой станок.

Ганс Зигфрид. Иоган Гуттенберг, шутка не ко времени. Они не дадут тебе на суде слово сказать. Все произойдет быстро, именем господа милостивого. Они изжарят тебя на костре, как еретика.

Гуттенберг. И на костре буду кричать, что я не колдун!

Ганс Зигфрид. Треск костра заглушит твои крики. Никто тебя не услышит, Иоган. Надо бежать до суда.

Гуттенберг. Я никуда не убегу! Предстану перед судьями! Ганс, понимаешь ли ты, что ты мне предлагаешь? Монахи распустят слух, что Гуттенберг колдун! Что нечистая сила раскрыла перед ним двери тюрьмы. И народ может поверить: раз Гуттенберг колдун, то и станок его колдовской... Но вы, друзья, бегите.

Генрих. Мастер, я остаюсь с вами.

Отто. А я не думал бежать.

Маргарита. Мастер Иоган, вы говорите так спокойно, точно у вас не одна, а пять жизней.

Гуттенберг. Не пять, а десять! Генрих, Отто, Петер! За работу! *(Отрывает доску, уходит, за ним — ученики.)*

Альберт *(у глазка)*. Монах идет! Обед!

Входит Фома. В руках — большой горшок.

Фома. Все к стенке! *(Описывает четками большой круг вокруг себя.)* Духи, бесы, кобольты, черти, сгиньте, сгиньте! Лишаю вас власти над монахом Фомой. *(Ставит горшок на пол.)* Подкрепите грешные тела. Недолго осталось вашим еретическим душам мучиться на божьей земле.

Ганс Зигфрид *(обходит Фому, замечает что-то на его спине)*. Брат Фома! Боже всеблагий! Что видят мои глаза? Таинственные знаки!

Маргарита. Господи, спаси и помилуй! *(Крестится.)* Дьявольские знаки!

Агнесса. Скинь рясу! Наваждение сатаны!

Все трое *(наступая на Фому)*. Скинь! Скинь! Скинь!

Фома сбрасывает рясу и выбегает.

Ганс Зигфрид *(поднимает рясу)*. Ну и напугали святошу. А что бы такое из этой ветоши смастерить?

Агнесса. Фургон перекрыть.

Маргарита. Святоша опомнится и прибежит за ней.

Ганс Зигфрид *(смотрит, как Альберт ест)*. Маргарита, отнеси скорее горшок, а то все останутся без обеда.

Маргарита берет горшок, идет в соседнюю келью. За нею — Альберт и Агнесса. Ганс удерживает Агнессу.

Дочка, одень рясу.

Агнесса *(удивленно)*. Зачем? *(Одевает.)*

Ганс Зигфрид *(оправляет на ней рясу. Опускает капюшон на лицо)*. Беги в город. Мимо привратников иди шагом. Не раскрывай лица. В Оленьем доме найдешь подмастерьев. Скажи им, что мастер Гуттенберг в заточении.

Агнесса уходит. Ганс провожает ее до дверей.

Маргарита *(входит)*. Где Агнесса?

Ганс Зигфрид. Тише... Тише...

Маргарита *(еще громче).* Куда Агнесса девалась?!
Ганс Зигфрид. Она скоро вернется.

Из соседней кельи выходят все за исключением Альберга.

Маргарита. Где моя дочь! Шут! Где моя дочь?!
Ганс Зигфрид. Молчи. Дорогая, золотая, голубка моя... молчи...
Гуттенберг. Что случилось?
Генрих. Сюда идут.

Входит отец Птоломей.

Отец Птоломей. Мир тебе, Иоган Гуттенберг. Хочу с тобой, сын мой, поговорить наедине.
Гуттенберг. А без этой беседы разве нельзя будет меня на костре сжечь?
Отец Птоломей. Все в руцех божиих, и нам не ведомо, что несет нам завтрашний день.
Ганс Зигфрид. Веревку на шею или огонь под ноги—не велика разница, благочестивый отец.
Отец Птоломей. Я пришел беседовать с честным мастером Иоганом Гуттенбергом. А ты молчи, безбожный шут.
Альберт *(в дверях).* Не прогневайтесь, божий человек. Мой отец хочет наговориться вволю за все будущие дни. Говорят, что на том свете нет балаганов.
Гуттенберг. Прошу всех выйти.

Все уходят в соседнюю келью, но дверь не закрывают.

Говори, отец, я слушаю.
Отец Птоломей. Сын мой, я видел сон. Будто лежу я после вечернего Ангелюса и никак уснуть не могу. Вдруг вижу, как своды моей кельи расходятся и из ясного неба устремляются ко мне серебристые голуби. Они любовно воркуют, кружатся. И незаметно, как тает тень, все голуби на моих глазах превратились в маленькие свинцовые буквы, точно такие, какие ты выдумал. В страхе, ужасе я падаю ниц... Боже всевеликий! Что это означает?

И услышал я глас небесный: «Иоган Гуттенберг послан мной на землю, и святая церковь возвеличится творением его рук». Две огненные зарницы вспыхнули в моей келье, и... я проснулся.

Гуттенберг. Странный сон!

Отец Птоломей. Я много над этим думал и понял, что тебе сам господь бог указал путь. Богородице угодно, чтобы ты свое искусство принес в дар святой церкви. Не дерзкие шутки уличных скоморохов должен ты печатать, а... индульгенции!

Гуттенберг. Я обещал моему бедному другу Гансу Зигфриду и от слова своего не откажусь.

Отец Птоломей. Тебе не придется отказываться. Уже есть постановление об изгнании из города этого шута.

Гуттенберг. Несправедливое постановление!

Отец Птоломей. Так угодно было магистрату. Ты же, благородный мастер, переедешь ко мне, в монастырь. Мои монахи будут ухаживать за тобой, как за папским нунцием, помогать тебе будут в работе... и весь заработок от твоей работы мы поделим на четыре части: одна часть — тебе и три — монастырю.

Гуттенберг. Подумаю, святой отец.

Отец Птоломей. Осужденный к смерти не думает, а соглашается.

Гуттенберг. Я еще не осужден!

Отец Птоломей. За колдовство и ересь существует только одно наказание — костер. Свинцовые буквы—дело чересчур мудреное, что в них от бога и что от лукавого — трудно разобраться даже мне. Так где уж невежественным судьям...

Гуттенберг. Я понял.

Отец Птоломей. Еще сегодня ночью я тебя освобожу. Спешу к его преподобию епископу и к бургомистру. *(Крестится, уходит.)*

Маргарита *(вбегая)*. Его счастье, что Ганс меня сдерживал. Я б ему выцарапала его воровские глаза, вы-

рвала б его змеиный язык. Слышали? «Есть постановление об изгнании этого шута». За что? Мастер Иоган, за что?

Ганс Зигфрид. Маргарита, грешно так неучтиво отзываться о святом отце Птоломее, о компаньоне мастера Гуттенберга. Три части себе, одну — Гуттенбергу. И на всех рыночных площадях будут гнусавить монахи: «Христиане, приближается день страшного суда. Кто с деньгами — в рай пойдет, кто без денег — того ад ждет! Купите индульгенции! Купите индульгенции! Любой смертный грех — два гульдена».

Гуттенберг. Я еще не дал согласия.

Ганс Зигфрид. Дадите.

Маргарита *(шопотом)*. Монах крадется.

Отец Франциск. Мир тебе, благородный мастер Гуттенберг.

Гуттенберг. Спасибо, святой отец.

Отец Франциск. Сын мой, я видел сон. Будто лежу я после вечернего Ангелюса и никак уснуть не могу...

Ганс Зигфрид. ...вдруг вижу, как своды моей кельи расходятся и из ясного неба устремляются ко мне серебристые голуби...

Отец Франциск. Шут! Откуда ты знаешь?

Гуттенберг. Не удивляйтесь, святой отец. Только что отец Птоломей рассказал нам такой же сон.

Отец Франциск. Он у меня украл этот сон! Я ему доверил. И про индульгенции говорил?

Гуттенберг. Говорил.

Отец Франциск. И ты согласился?

Гуттенберг. Пока нет.

Отец Франциск. Слава богородице. *(Крестится.)* Я тебе буду выплачивать 35 от сотни и только 65 для монастыря. Согласен? Я только что говорил с бургомистром. Ночью тебя освободят. Сегодня же, немедленно приступим к печатанию индульгенций.

Гуттенберг. Принесите бумагу от бургомистра.

Отец Франциск. Через час я здесь с освобожде-

нием. Если вернется отец Птоломей, прогони его, обманщика.

Гуттенберг. Верю только вам, святой отец.

Отец Франциск. Именем господа нашего заклинаю тебя не связываться с отцом Птоломеем! Он украл у меня вещий сон... Сорок от сотни я тебе дам и только шестьдесят монастырю... Благочестивые христиане, заприте дверь, не впускайте никого. *(Убегает.)*

Ганс Зигфрид. Не тужи, Маргарита. Как только нас выпустят отсюда, я сочиню новую пьесу: «Как вор вора обокрал». Гляди, бежит третий, и он наверное видел вещий сон.

Входит бургомистр.

(Меняя голос.) Приветствую тебя, благороднейший господин бургомистр. Как вам наш дворец нравится? Вот здесь спальня, там трапезная, а тут мы принимаем именитых гостей. Садитесь. *(Поет песню.)*

И вот предвижу я, поэт,
Наш век пройдет как темный бред.
В тряпье мудрец теперь одет,
А льстец иль злодей,—
Напоен и обогрет...

Бургомистр *(страже)*. Выгоните всех, кроме Гуттенберга!

Всех выводят.

Мастер Иоган, заявляю тебе — ты свободен! И не только свободу я тебе принес, но и братскую помощь.

Гуттенберг. Чем вы можете мне помочь, уважаемый господин бургомистр?

Бургомистр. Деньгами. Сколько нужно, чтобы твоими буквами приступить к печатанию индульгенций?

Гуттенберг. На первое время — 800 гульденов. И ежегодно 300 гульденов на бумагу и краску.

Бургомистр *(раскрывает дверь, зовет)*. Нотариуса!

Входит нотариус.

Пиши! Бюргер Иоган Фуст из Майнца, брат бургомистра Якоба Фуста, ссужает мастера Иогана Гуттенберга 800 гульденами и обязуется ежегодно дополнительно оплачивать 300 гульденов на покупку бумаги и краски. За одолженную сумму бюргер Иоган Фуст получает 6 процентов годовых. Бюргер Иоган Фуст является половинным участником в делах мастера Гуттенберга и получает равную долю со всех доходов мастерской. Взятую в долг сумму Иоган Гуттенберг обязуется в течение трех лет вернуть бюргеру Иогану Фусту из своей доли. Золотой Майнц, от рождества Христова 1450, августа дня 22, в день святого Симфориана. *(Нотариусу.)* Можешь итти. Подпиши договор! Вот место для подписи. И не раздумывай. Как только ты подпишешь договор, я поставлю печать на твоем освобождении.

Гуттенберг. А если я не соглашусь на эти условия?

Бургомистр. Тогда, честный мастер Гуттенберг, я вынужден буду предать тебя церковному суду...

Гуттенберг. Понятно. Дайте договор.

Оба подписывают. Нотариус уходит.

Бургомистр *(зовет стражу, все возвращаются)*. Мастер Гуттенберг и его подмастерья свободны. Скоморох с семьей изгоняется из города.

Ганс Зигфрид. Любопытно знать, за что?

Бургомистр. Потому что не представил в магистрат пяти списков.

Ганс Зигфрид. Ведь вы сами уничтожили мастерскую Гуттенберга.

Бургомистр. Гуттенберговской мастерской нет! Есть книгопечатня Фуста и Гуттенберга! А в этой книгопечатне будут печатать только богоугодное. *(Уходит.)*

Ганс Зигфрид. Друг! Друг мой! Разорви договор!

Выпроси у добрых людей каравай хлеба и отправляйся со мной в изгнание. На пестрых рынках, в вольных городах ждет нас простой, но честный народ...

Гуттенберг. Нет, Ганс. Никуда не поеду. Труд моей жизни еще не закончен. Бургомистр мало потребовал с меня. Не пятьдесят процентов, а душу я бы ему отдал! Если б он сердце потребовал, то и сердце отдал бы с радостью. Деньги и свобода! Все, что мне теперь нужно... Книги Иогана Гуттенберга разлетятся по всему миру, как белые голуби...

Ганс Зигфрид. Как черные вороны! Они выклюют последнюю денежку из кошелька измученного бедняка.

Гуттенберг. Ганс, ты несправедлив. Я беднее любого бедняка. Я следую за богачом не ради богатства. Идемте, ученики мои.

Маргарита. Молчи, Ганс. Разве ты не видишь, что Гуттенберг продался бургомистру.

Гуттенберг. Оскорбляйте! Оскорбляйте все! Руки мои ждут работы. Маргарита! Дай ты мне свободу и денег, и я откажусь от договора.

Ганс Зигфрид. Легче, видно, отказаться от старого друга.

Гуттенберг. Старый друг, напрасно попрекаешь меня. Какой прок от твоих честных песен, если они не будут напечатаны? Они развеются, как дорожная пыль, они не дойдут до будущих поколений.

Ганс Зигфрид. Глубокомысленные сентенции — внеси их в договор.

Гуттенберг *(строго)*. Молчи! Теперь говорит Иоган Гуттенберг! Пророки и ученые записывали свои великие мысли на пергаменте. Где их рукописи? Кто их читает? Цепями прикованы они к монастырским стенам. Я хочу сорвать эти цепи! Книги должны быть доступны народу, как хлеб, как одежда! *(Сразу успокоившись.)* Пойми, Ганс, человек, который решил достичь вершины горы, не должен пугаться грязи на башмаках...

Ганс Зигфрид. Но с грязью на башмаках трудно карабкаться в гору...

Вбегает отец Птоломей.

Отец Птоломей. Вот она, бумага от епископа! Скорее подпиши договор!

Отец Франциск *(вбегает, запыхавшись)*. Епископ согласен! Скорее подпиши!

Отец Птоломей. Ты подделал подпись. Его преподобие только на моей бумаге поставил свою святую печать.

Входит бургомистр.

Пусть господин бургомистр...

Отец Франциск. Замолчи, плут! Ты мой сон украл! А теперь...

Гуттенберг. Зря спорите, святые отцы. Вы оба опоздали.

Оба. Опоздали?

Бургомистр. Мастер Гуттенберг уже подписал договор...

Агнесса *(вбегая)*. Отец! Петер! Мастер Иоган! Подмастерья идут к тюрьме! Свобода! Свобода!

Бургомистр. Ни шагу! Стража! Никого не впускать!

Ганс Зигфрид. Пожалуйте, господин бургомистр, на представление «Надутого индюка».

Бургомистр. Играешь с огнем.

Ганс Зигфрид. Неизвестно, кто будет жариться на этом огне.

Агнесса. Подходят.

Генрих. Слышу шаги.

Бургомистр *(страже)*. Отогнать от окна! *(Встает на стол, высовывается в окошко.)* Честные подмастерья! Мне понятен ваш справедливый гнев, я оправдываю ваш благородный порыв. Вышло недоразумение. Напутали слу-

ги церкви, они искали колдовство и ересь там, где была божеская благодать. Но вы опоздали, честные подмастерья. Ваш любимый комедиант Ганс Зигфрид уже на свободе и больше часа как он добровольно покинул наш город. А достославный мастер Иоган Гуттенберг со всеми своими учениками сейчас выйдет к вам. Устройте им торжественную встречу. С музыкой, с веселой песней отведите их в дом. Если есть среди вас люди, которые сомневаются в моих словах, пусть подойдут ближе. Вот приказ об освобождении. *(Соскакивает со стола. Шум за окном затихает.)* Мастер Гуттенберг, присоединимся к радости майнцских ремесленников. *(Тихо говорит страже.)* Когда стемнеет, выведите шута с семьей за городские ворота.

Занавес

КАРТИНА ПЯТАЯ

Лунная ночь. Дерево. Скамья. Идет бургомистр.

Иоган Фуст. Подписал договор?

Бургомистр. Дай отдышаться. *(Вытирает лицо.)* Ремесленник хитер, как кардинал...

Иоган Фуст. Ты его мог принудить.

Бургомистр. Принудить... Когда принуждаешь, человек кусается. А мне надо было, чтобы его сердце было восковое.

Иоган Фуст. А договор он подписал?

Бургомистр. Успокойся, брат, подписал. Иди домой, готовь деньги. *(Останавливает брата.)* Помни, Иоган, наш уговор: шестьдесят процентов прибыли я получаю.

Иоган Фуст *(удивленно)*. Мы договорились поровну!

Бургомистр. Тогда договора не будет.

Иоган Фуст *(растерянно)*. Пусть будет по-твоему.

Уходят. С другой стороны появляются Агнесса и Петер.

Петер. Ты уезжаешь?

Агнесса. А ты остаешься в Майнце?

Петер. Да, Агнесса. Научусь книги печатать, тогда...

Агнесса. А меня будешь вспоминать? Не полюбишь другую?

Петер. Что ты! Только тебя ждать буду.

Агнесса. Дай мне твой платочек.

Петер дает ей платок.

(Она до крови царапает свой палец, прикладывает платок к ранке, потом разрывает платок пополам, возвращает его Петеру.) Теперь только смерть нас разлучит.

Я с тобой,
Ты со мной.
Этому
Верь, друг мой!

Замкнулась дверца
Моего сердца,
Потерян ключ — не найти.
Век ты будешь взаперти.

Прощай, Петер.

Петер. Пусть богородица тебя охраняет.

Агнесса. И ты все-таки остаешься?

Петер. А как же?

Агнесса. Знаешь, Петер, когда я была еще ребенком, мне мама подарила этот браслет. Он из чистого золота.

Петер *(разглядывает браслет)*. Зачем ты мне это говоришь?

Агнесса. А так. Ни к чему. Мы ведь отправляемся в Страсбург. Большой-большой город. Там никто не знает, что Гуттенберг выдумал буквами печатать.

Петер. Не понимаю тебя.

Агнесса. Браслет большие деньги стоит. Свинец можно на них купить, станок сделать...

Петер. Ну?

Агнесса. Ничего. Знаешь, Петер? Поезжай с нами! Ты будешь работать, я — помогать тебе.

Петер. Нет, Агнесса. Много еще должен я перенять от мастера Гуттенберга. Потом...

Агнесса. Если так, прощай, Петер.

Петер. Да хранит тебя богородица!

Прощаются.

Агнесса. Куда ты спрятал платочек?

Петер. Вот он.

Агнесса. Положи его сюда, на сердце. И не потеряй.

Петер. Никогда!

Агнесса. Прощай, Петер.

Петер. Да хранит тебя богородица!

Прощаются.

Агнесса. Подожди, подожди! Чуть не забыла. Ты должен в лунную ночь смотреть на эту звезду. Видишь? На ту, которая ближе всех к луне.

Петер. Зачем?

Агнесса. Я буду смотреть на нее. Все, что я захочу сказать тебе, скажу я звезде. И ты так делай.

Петер. Непременно, Агнесса. Мне пора.

Агнесса. Уже? Мы даже не успели попрощаться.

Петер. Попрощаемся.

Голоса. Петер! Петер!

С другой стороны.

Агнесса! Агнесса! Ландскнехты гонят!

Голоса ближе, громче. Петер и Агнесса бегут в разные стороны, сходятся, снова разбегаются.

Занавес

Акт третий

КАРТИНА ШЕСТАЯ

ПЕРЕД ВОРОТАМИ МАЙНЦА

Раннее утро. Последние капли дождя бьют по крыше фургона. Перед фургоном сидит Ганс Зигфрид. Он штопает кафтан.

Ганс Зигфрид. Трип-троп, трип-троп... Божественная мелодия... Что поделывает Иоган Гуттенберг? Трип-троп... Разбогател... В почете... Заседает в ратуше с Фустами... Пять лет... улетели... Трип-троп...

Раскрывается полог. Появляется Агнесса, нарядная, в белом платье. Вслед за нею Маргарита.

Маргарита *(с ножницами и иглой в руках)*. Куда тебя носит?!

Агнесса. Отец! Когда мы будем в Майнце?

Ганс Зигфрид. Ровно... через две недели и три дня.

Агнесса. Семнадцать дней и семнадцать ночей. Мама! А вдруг Петер меня не узнает? Вот потеха! Я иду по улице. В новом платье. Такая важная. А навстречу мне идет Петер. Я говорю: «Здравствуй, Петер!»

Маргарита *(пришивая оборку на платье Агнессы)*.

Не вертись! Ганс, помнишь мое подвенечное платье? Какая я была в нем нарядная, красивая. Вся деревня сбежалась. У королевы такого платья не было. Помнишь?

Ганс Зигфрид. Что? Платье? Какое?.. Помню.

Маргарита. Что ты помнишь?

Ганс Зигфрид. Как за нами гнался суконщик и требовал денег за твое платье, а денег у нас... не было.

Маргарита. Денег... Ты только о деньгах и думаешь!

Агнесса. Мама! Не сердись. Ведь он шутит. В таком платье ты к венцу шла или в лучшем? А народу много было на твоей свадьбе?

Маргарита. За сто верст стекался народ. Вся округа. Три дня и три ночи пировали.

Альберт. Мама! А что покушать было на твоей свадьбе? *(Сестре.)* Агнесса, если твой Петер не приготовит жратвы, — ищи себе другого брата! С пустым желудком я не поведу тебя в церковь.

Маргарита. Обжора ты. И как тебе не надоест? Об одном только и думаешь.

Альберт. Обижаете единственного сыночка. Я и о другом думаю. Через две недели мы подъезжаем к Майнцу. Во всех церквах бьют в колокола. Город разукрашен. Улицы убраны коврами. Нам навстречу выходят господин епископ, господин бургомистр, ратман Иоган Гуттенберг, Петер, мастера и подмастерья. В первом ряду иду я с Агнессой. *(Берет ее под руку.)* Во второй паре — вы. Я представляю вас: «Мать невесты — досточтимая госпожа Маргарита Зигфрид, а это отец невесты — достославный комедиант Ганс Зигфрид». «Может угодно вам пожаловать к столу?» обращается ко мне дочь бургомистра. — «Покорнейше благодарю, сударыня. Я насытился вашей ангельской красотой». — «У вас благородная душа», — и она обращается к своему отцу: «Я хочу выйти замуж за Альберта Зигфрида». И нас ведут во дворец бургомистра. А там — столы ломятся от яств: утки в сметане, гуси под

свиным соусом, поросята в меду, жареные лебеди... Боже мой! Еды сколько!

Маргарита. Я знала, что этим кончится! *(Агнессе.)* Раздевай платье!

Агнесса. Еще чуточку. Альберт, неужели все так будет? И нам навстречу выйдет епископ, и бургомистр, и ратман Гуттенберг? Только ты спрячься за моей спиной. Слышишь? А то я посмотрю на тебя и расхохочусь.

Альберт. Напрасен ваш страх, синьора. В день вашей торжественной свадьбы ваш брат будет находиться на кухне. Прощайте. *(Хочет уйти.)*

Ганс Зигфрид. Куда торопишься?! Подожди. Я созываю семейный совет.

Альберт. Ваш наследник передает свои полномочия своей сестре.

Ганс Зигфрид. Вот висельник! Серьезное дело надо решить, а он отделывается шутками.

Маргарита. Короче. Слушаем!

Ганс Зигфрид. А слушать-то нечего. Надо видеть! *(Сбрасывает камзол, одевает кафтан, который штопал.)* Досточтимые синьорины, и вы, синьор! Представляю этот кафтан на ваш высший суд. Кафтану всего 18 лет 11 месяцев и 29 дней, и куплен он в Страсбурге у известного старьевщика Фрица. Кафтан имеет всего четыре явные заплаты и около десяти тайных. Вам, досточтимые синьорины, и вам, синьор, предстоит решить: может ли знаменитый комедиант Ганс Зигфрид одеть этот кафтан, отправляясь в церковь на бракосочетание своей единственной дочери с благородным подмастерьем Петером Шефером? Если высокое собрание ответит на этот вопрос отрицательно, то прошу мне сказать: где может знаменитый комедиант Ганс Зигфрид достать денег на покупку нового кафтана?

Альберт. Посмотрите! Кто-то идет!

Маргарита. Кто это может быть?

Ганс Зигфрид. Дети! Новый кафтан! На представление нас приглашают!

Агнесса. Кажется... Петер? Петер! *(Убегает.)*

Ганс Зигфрид. Ей все Петер мерещится.

Маргарита. Это не Петер.

Альберт. Не люблю я этого Петера. Помните, как он на колени упал перед бургомистром?

Ганс Зигфрид. Не тебе с ним жить, не тебе его любить. Взгляни на сестру. По ночам не спит, не ест. Не дождется возвращения в Майнц.

Бежит Агнесса. За руку тянет Генриха.

Агнесса. Несчастье с Гуттенбергом.

Маргарита и Ганс. Что случилось?

Альберт. Генрих! Говори!

Агнесса. Садись. Отдохни. Ты устал.

Генрих. Спасибо, Агнесса. Я очень устал. Целые сутки я вас искал. Люди говорили, что вы где-то близко от Майнца, а где вас искать, никто не сказал. Господин Зигфрид. Несчастье стряслось. Мастера Гуттенберга будут завтра судить. За долги. Ведь при вас он подписал договор?

Ганс и Маргарита. При нас!

Генрих. Поедемте в Майнц. Прошу вас. У мастера нет свидетелей.

Альберт. Но нам ведь запрещен въезд в Майнц?

Ганс Зигфрид *(встает)*. Комедианту Гансу запрещен въезд, но свидетеля Зигфрида обязаны впустить в город. Ну, как жена?

Маргарита. Человека спасать надо, а он глупые вопросы задает! Немедленно запрягать!

Ганс, Маргарита, Альберт идут в фургон.

Агнесса. Петер знал, что ты к нам собрался?

Генрих Нет.

Агнесса. Почему ты ему не сказал?

Генрих. Потому... что он был... занят.

Агнесса. Как он выглядит? Расскажи.

Генрих. Мне надо спешить. Мастер ждет.

Агнесса. Отдохни немного. Ты устал. Петер ждет?..

Генрих. Суда? Весь город ждет.

Агнесса. Генрих. Ты не заметил: Петер шьет себе новое платье?

Генрих. Прощай, Агнесса. *(Уходит, возвращается.)* Агнесса *(вынимает из-за пазухи большой шелковый платок)*, тебе. Подарок.

Агнесса. Петер прислал? А ты дурачишься.

Генрих. Петер?.. Прощай, Агнесса. *(Уходит.)*

Занавес

КАРТИНА СЕДЬМАЯ

СУД

Осень 1455 года. Сводчатый зал с узкими и высокими окнами. За столом — судьи, на скамьях — народ. Возле дверей и за судейскими креслами — ландскнехты.

Судья *(Гуттенбергу)*. Итак. Пять лет тому назад ты обязался вернуть бюргеру Иогану Фусту 1600 гульденов. Вот твоя подпись на договоре. *(Показывает договор другим судьям.)*

Гуттенберг. Досточтимый судья, не по доброй воле я подписал этот договор. Я был во власти бургомистра.

Бургомистр *(сидит на первой скамье)*. Лжет. Он был свободен, когда договор подписывал.

Судья *(бургомистру)*. Итак. Свидетели имеются?

Бургомистр. Благочестивые монахи Фома и Хома.

Фома и Хома, не дожидаясь, пока их спросят.

Фома. Именем многострадального господа нашего Иисуса Христа клянусь, что было так, как говорит благородный бургомистр Якоб Фуст.

Хома. Именем божественной девственницы Марии кля-

нусь, что было так, как говорит благородный бургомистр Якоб Фуст.

Ганс Зигфрид. Как они спелись! Слово в слово. Видно, одинаково получают за ложь.

Судья. Что ты сказал?

Ганс Зигфрид. Я сказал, что монахи Фома и Хома очень благочестивые христиане, но что они далеки от мирской суеты. Поэтому неудивительно, что они забыли, где и при каких условиях Иоган Гуттенберг подписал договор. Я осмелюсь им напомнить, что это было в тюрьме, когда мастеру Гуттенбергу угрожала смертная казнь за колдовство. Когда человек чувствует веревку на шее, его рука подписывает все, что от него требуют.

Судья. Значит, утверждаешь, что благочестивый господин бургомистр вынудил у Гуттенберга подпись?

Ганс Зигфрид. Что вы, благородный судья! И мысли такой не было у меня. Я только хотел просить господина судью убедиться, что с петлей на шее даже бургомистр подпишет все, что ваша милость ему предложит.

Судья. Здесь не балаган. Убирайся! Шут! Итак. Мастер Гуттенберг, вы согласны уплатить 1600 гульденов?

Гуттенберг. Все мое состояние 1400 гульденов. Вот они. *(Кладет на стол.)*

Судья. А остальные?

Гуттенберг. Когда я окончу печатание библии.

Бургомистр. Мой брат желает получить свои деньги сейчас же и полностью.

Судья. Итак. 1600 гульденов!

Гуттенберг. У меня нет.

Судья. Тогда мастерская и все, что в ней находится, переходит в собственность...

Генрих. Мастер! За многие годы работы я скопил 125 гульденов. Вот они. Передайте бургомистру, чтобы удовлетворить их закон. *(Передает деньги.)*

Судья *(страже)*. Вывести наглеца. В золотом Майнце один закон для всех граждан.

Альберт. И этот закон называется — «один вор помогает другому».

Судья. И его вывести.

Выводят.

Гуттенберг. Я могу внести 1525 гульденов.

Бургомистр. Мой брат требует долг или мастерскую.

Судья *(Гуттенбергу)*. Итак. Слышали?

Гуттенберг. Все мое состояние 1525 гульденов.

Судья. Тогда мастерская и все, что в ней находится, переходит...

Отто. Вот недостающие 75 гульденов. Заткните им глотку, чтобы ноги их больше не было в нашей мастерской. Берите, мастер!

Гуттенберг. Спасибо тебе, Отто. *(Передает деньги судье.)* Получите 1600 гульденов. По договору. И освободите меня, господин судья. Я еле на ногах стою...

Судья. Не торопитесь, Гуттенберг. Итак. Бюргер Иоган Фуст, вы удовлетворены?

Бургомистр. Нет! Моему брату еще следуют проценты и проценты на проценты. Часть Гуттенберг уплатил, но еще осталось за ним 12 гульденов. Вот подсчет. *(Передает.)*

Ганс Зигфрид. Разрешите задать один вопрос.

Судья. Спрашивай.

Ганс Зигфрид. Если на рынке поймали вора, который острым ножом вырезал карман вместе с кошельком, как бы вы, господин судья, поступили с ним?

Судья. В тюрьму посадил бы его.

Ганс Зигфрид. Так почему вы не посылаете в тюрьму бургомистра Фуста?

Бургомистр. Требую, чтобы выгнали этого наглого шута.

Ропот среди народа.

Голоса. Говори, Ганс!

— Скажи этим кровопийцам!

Судья. Тише. Всех выгоню. *(Бургомистру.)* На слова шута не стоит обижаться. Привык к балагану. Правда, Зигфрид, ты шутил?

Маргарита. Скажи, что шутил.

Ганс Зигфрид. Если бургомистр шутил, требуя проценты на проценты, то и я шутил.

Бургомистр *(зло)*. Моему брату и мне надоели наглые шутки. Он требует долг.

Судья. Вот договор. Вы обязались платить 6 процентов годовых.

Гуттенберг. Не помню. Мне тогда дорог был каждый день, каждый час. Я хотел работать. Я хотел вернуться к формам, к свинцовым буквам. Если б он тогда требовал не 6 процентов, а мою душу, то и душу отдал бы, лишь бы поскорее вернуться к прерванной работе.

Ганс Зигфрид. Я прошу еще раз проверить договор. Может, там в самом деле написано, что Гуттенберг обязуется душу свою отдать.

Бургомистр. Надоел мне этот шут. Я требую, чтобы зачитали договор.

Судья. Читайте.

Секретарь. «За одолженную сумму бюргер Иоган Фуст получает 6 процентов годовых!»

Гуттенберг. Я нищий. У меня больше ничего нет. Пусть Иоган Фуст подождет, пока я отпечатаю святую библию. Тогда полностью рассчитаюсь.

Судья. А вы бюргер Иоган Фуст?

Иоган Фуст. Немедленно и полностью.

Судья *(Гуттенбергу)*. Слышали?

Гуттенберг молчит.

Что скажете?

Гуттенберг. Ничего.

Судья. Тогда мастерская и все, что находится в ней, переходит...

Агнесса. Нет, нет! Ничего не переходит. Вот браслет. *(Матери.)* Мама! Позволь его бросить в пасть ненасытному бургомистру.

Маргарита. Отдай, дочка, отдай ему. Браслет из чистого золота. 27 гульденов заплатили.

Агнесса кладет браслет на стол.

Бургомистр *(разглядывает браслет)*. Цена ему 5 гульденов.

Ганс Зигфрид. Лжешь! Я сам за него 27 гульденов заплатил. Это было тринадцать лет тому назад. А золото за это время вздорожало.

Бургомистр. Пять гульденов.

Ганс Зигфрид. Спросим у менялы.

Голоса. Вызвать менялу.

— Послать за менялой.

Бургомистр. Хорошо. Я согласен принять этот браслет за 12 гульденов.

Гуттенберг *(Зигфриду)*. Друзья, я запрещаю вам отдавать этот браслет. Это все ваше состояние.

Ганс Зигфрид. Молчи, молчи! Не видишь, что они хотят завладеть твоим трудом, твоей мастерской, твоим открытием? Бери браслет. Не обижай дочь комедианта.

Гуттенберг *(бургомистру)*. Теперь ты насытился?

Бургомистр. Мастер Гуттенберг! Ты умнее шута, но слова твои шутовские. Я ничего для себя не ищу. Мой долг перед городом следить за ненарушимостью договоров. Если ты договор выполнил, я удовлетворен.

Голоса. Разбойник!

— Вор!

Судья. За такие слова выгоню из ратуши. *(Стучит, обращается к Иогану Фусту.)* Итак, бюргер Иоган Фуст, вы удовлетворены?

Иоган Фуст. Не полностью. Гуттенберг должен мо-

ему будущему зятю Петеру Шеферу 125 гульденов. Свой долг он передал мне. Я его хочу сегодня получить полностью.

Агнесса. Судья! Бюргеры! Он с ума сошел. Петер... Почему ты молчишь? Скажи, что Иоган Гуттенберг тебе ничего не должен. Подойди к столу. Скажи.

Христина *(укутанная в дорогую шаль)*. Девка! Запрещаю тебе обращаться к моему жениху.

Агнесса. Он твой жених? Петер? Граждане Майнца! Почему вы не хохочете? Петер — ее жених! *(Внезапно, изменившимся голосом.)* Подождите, подождите... Может быть, в тот вечер, когда ты мне клялся... ты подсчитывал золотые червонцы в сундуке у Фустов? Христина! Скажи, так это было?

Христина. С комедианткой, с канатной плясуньей мне не о чем говорить. *(Поворачивается к судье.)* Петер Шефер мой жених.

Судья *(Агнессе)*. Я тебя не вызывал в суд.

Агнесса *(не обращая внимания на судью)*. Рябая ведьма! Ты не хочешь со мной говорить! Смотрите, граждане Майнца, как она закрывает лицо. Боится: жених увидит ее черные, гнилые зубы. А я не скрываю. Смотрите... Белые. Здоровые. Покажи, Христиночка, твое личико. *(Срывает шаль с ее головы.)*

Судья. Вывести девку.

Голоса. Дайте ей говорить.

— Она свидетельница.

Агнесса. Петер! Посмотри! Каждая рябина с ладонь. Или тебе обещали заполнить ее рябины золотыми гульденами? Граждане Майнца! Мой жених ослеп и оглох. Почему ты молчишь? Скажи народу, что эта облезлая обезьяна никогда не была твоей невестой. Скажи: тебя обманули. Подойди к столу, скажи, тебя обманули. Подойди к столу. Скажи. Ведь я твоя невеста. Правда, Петер? И Гуттенберг тебе ничего не должен?

Бургомистр. Скажи, Петер.

Голоса. Петер!

— Петер!

Петер. Дочь Иогана Фуста *(показывает на Христину)* моя невеста. Мастер Гуттенберг мне должен 125 гульденов, и расписку я передал будущему тестю.

Агнесса *(срывает с руки половину платка)*. На. Заткни своей невесте гнилой рот. *(Плачет.)*

Генрих. Успокойся, Агнесса. Он не стоит тебя.

Судья. Итак, Иоган Гуттенберг! С тебя следует еще 125 гульденов. Если не уплатишь, то мастерская и все, что в ней находится, перейдет к бюргеру Иогану Фусту.

Голоса. Судья подкуплен!

— Нового судью дайте!

— Несправедливый суд!

— Пусть цеховые старшины рассмотрят дело!

— Разбой среди белого дня!

— Купили Петера!

— Нового судью дайте!

Гуттенберг. Граждане Майнца! Успокойтесь. Здесь судят по закону. Я должен Иогану Фусту 1600 гульденов — вот они. *(Кладет на стол.)* Я должен Иогану Фусту проценты на проценты — вот они. *(Кладет браслет.)* Половину прибыли я честно отдавал Иогану Фусту. Не знаю, почему это ему следовало, но раз справедливый судья находит это справедливым, то я подчиняюсь. Теперь еще мой ученик с меня требует 125 гульденов. Пять лет я обучал Петера трудному искусству книгопечатания. Пять лет я его кормил, поил, одевал. Я его любил, как собственного сына. Судья, сколько ему следует за это?

Судья. 125 гульденов.

Гуттенберг. Мало. По вашим законам еще следует снять с меня плащ, которым покрыто мое тело. Возьмите! *(Снимает плащ, бросает его на стол.)* Мало. По вашим законам с меня надо снять камзол. Возьмите! *(Снимает камзол, бросает его на стол.)* Еще мало. По вашим законам надо снять с меня рубаху. Возьмите и ее. *(Срывает руба-*

ху.) Еще мало. Я принес с собой священную библию. Возьмите и ее. *(Кладет библию на краешек стола. Она сползает.)*

Нарастает шум, возбуждение. Гуттенберг уже не владеет собой. Захвачен злобой, обидой, отчаянием. Бросается к столу, к судьям. Все отступают в страхе. Народ, захваченный вспышкой Гуттенберга. бросается к судьям.

Голоса. Фуста на виселицу!
— Это вертеп, а не суд!
— Выгнать их!
— Нового судью!

Бургомистр Фуст становится рядом с судьей, отстраняя его.

Бургомистр. Я, бургомистр золотого Майнца, именем закона и обычаев требую повиновения. Стража! К столу и к дверям!

Стража выполняет распоряжение.

Если кто-нибудь хоть словом осмелится помешать правосудию, немедленно отправлю к палачу. Милостивый судья! Читай приговор.

Ганс Зигфрид. Читай. С сегодняшнего дня будет каждый конокрад и разбойник оправдываться словами: «Так нас учил бургомистр Майнца».

Бургомистр. Изгнать шута и весь его выводок.

Выводят. Ганс кричит в дверях.

Ганс Зигфрид. Не забудь и правду изгнать.

Бургомистр. Читайте, благородный судья! *(Отходит от стола, садится снова на свое место.)*

Судья. Именем бога справедливого и в согласии с истиной, мастерская, шрифт, бумага и краска, столы и прессы, а также отпечатанные листы священной библии, что находятся в мастерской Иогана Гуттенберга, поступают в вечное владение бюргера Иогана Фуста.

Бургомистр *(еле дождавшись последних слов).* Всем уйти. Стража! Очистить ратушу!

Все уходят молча, с поникшими головами.

Судья. Иоган Гуттенберг, а ты чего ждешь?

Гуттенберг. Чтоб потолок рухнул, чтобы стены сошлись, чтобы пол, на котором я стою, провалился. Если есть бог в небесах, то все это должно случиться немедленно.

Судья. Богохульствуешь?

Гуттенберг. Нет. Я жду справедливого приговора.

Бургомистр. Идем, благородный судья.

Иоган Фуст *(Гуттенбергу).* Ты можешь остаться у меня работать. Я тебя не гоню.

Гуттенберг не отвечает. Все уходят. Гуттенберг видит на полу разбросанную библию. Поднимает ее, перелистывает.

Гуттенберг *(один).* 641 страница... Пять лет работы... Скоро будет Иоган Фуст торговать тобою, как конокрад уведенной лошадью. Мой мозг и мой труд в каждой букве, но имени моего Фуст на тебе не напечатает. *(Он падает на судейский стол. Видно, как плечи его вздрагивают.)*

Занавес

Акт четвертый

КАРТИНА ВОСЬМАЯ

МЕСТЬ

Ночь. На рынке — ни души. Одинокий фургон. В глубине ярко освещенный дом бургомистра. Оттуда несутся звуки большого оркестра. По временам слышится смех, выкрики. В окнах видны танцующие пары.

Возле фургона Агнесса и Генрих.

Агнесса. Какая черная ночь!

Генрих. Луна ярко светит.

Агнесса. А мне кажется, что ночь очень темная.

Генрих. Не надо плакать, Агнесса.

Агнесса. Я не плачу. Меня ослепляет свет в доме бургомистра.

Генрих. А ты не смотри туда. Чего ты там не видела? Свадьба, как свадьба. Забудь его. Он не стоит твоих слез.

Агнесса. Рот у него кривой, губы синие, как у лягушки, а нос острый, птичий. И руки потеют, когда он деньги считает. Ненавижу, ненавижу его. *(Убегает.)*

Генрих. Ничего не понимаю. То его бранит. Посмотрит в сторону дома бургомистра — плачет. Со мною ласкова.

Прибегает Отто.

Где мастер?

Отто. Не отходит от мастерской. Сидит на ступеньках и молчит. Я его звал и уговаривал, — молчит, не отвечает.

Ганс Зигфрид *(выходит из фургона)*. Празднуют. Свет в окнах. Вино, песни, танцы... А город безмолствует, безмолвствует...

Генрих. Слушай, Ганс. Голова кружится от злобы, руки отяжелели. Скажите, что делать надо?

Отто. Сердце кровью обливается. Мастер сидит на ступеньках и молчит. Молчит, точно ребенок у него умер.

Ганс Зигфрид. Ворваться в дом бургомистра. Растоптать, разрушить все, чтоб и у них стало темно, как у нас.

Генрих. Я иду с тобой.

Отто. На! *(Дает ему железную палку.)* А это мне пригодится. *(Снова шопотом.)* Еще два ткача-подмастерья пойдут с нами.

Агнесса. Не надо.

Генрих. Боишься?

Агнесса. Я сама пошла бы.

Ганс Зигфрид. Не понимаю тебя, чего ты хочешь?

Агнесса. Что я хочу, вы позже узнаете. Теперь скажу, чего я не хочу. Я не хочу, чтобы вы стояли, как разъяренные быки, но с путами на ногах. Петер и его облезлая невеста будут вам в лицо плевать. Вас мало и вы плохо вооружены. Лучше заманите сюда Гуттенберга, а ты, Отто, со своими ткачами, вытащи все из мастерской. Все принадлежит Гуттенбергу.

Отто. Надо подумать.

Агнесса. Отец, Генрих, Отто, если вы меня любите, сделайте так, как я говорю. Завтра Петер с рябой женой входят в мастерскую. Им радостно. Они завладели гут-

тенберговским добром. А там — пустые стены. Как побитые собаки, будут они выть от злости и стыда.

Генрих. Хорошо придумано! У жадного Петера сердце лопнет. Я иду.

Агнесса. Нет, Генрих. Ты останешься со мною.

Ганс Зигфрид *(решительно)*. Отто. Пошли. *(Дочери.)* Тебе бы мужчиной родиться. Обещаю, приведу Гуттенберга.

Отто. Прощай, Агнесса. Но, если хочешь, я останусь, а Генирих пойдет в мастерскую.

Агнесса. Боишься за Генриха? С ним ничего не приключится.

Отто и Ганс уходят. Встречают Альберта, берут его с собой.

Генрих. Агнесса!

Агнесса. Что?

Генрих. Прикажи мне сделать для тебя что-нибудь трудное, трудное.

Агнесса *(достает из фургона мешок)*. Держи мешок.

Генрих берет.

Достань головешки. *(Уходит в фургон.)*

Генрих. Что она задумала?!

Агнесса *(выходит с пучком соломы)*. Держи.

Генрих. Агнесса!

Агнесса. Мало света в доме бургомистра. Я хочу, чтоб на свадьбе моего жениха светились не только окна, но и стены, крыша и небо. Небо!

Генрих. Агнесса!

Агнесса. Боишься? Укройся в фургон. Голову накрой маминой шалью...

Генрих. Идем! *(Следует за Агнессой.)*

Освещается другой угол сцены. Запертая на замок дверь. Восковые белые печати. Перед дверью на ступеньках сидит Гуттенберг. Приближаются Ганс Зигфрид, Отто, Альберт и шесть подмастерьев-ткачей.

Ганс Зигфрид. Иоган! Именем закона требую я,

чтобы ты немедленно предстал перед судом комедианта Ганса Зигфрида. Мы еще раз разберем твое дело и вынесем справедливый приговор.

Гуттенберг *(не подымая головы).* Не знаешь, где так весело играет музыка? И почему так шумно сегодня в Майнце? Понимаешь? А я должен здесь сидеть. *(Поднимает голову.)* А вы зачем пришли?

Отто. За вами, мастер. Лошади уже впряжены в фургон. Оставим этот богом проклятый Майнц.

Гуттенберг. Какой фургон? Майнц, говоришь?.. Ну, да. зачем же вы пришли?

Ганс Зигфрид. Только посмотреть, как Иоган Гуттенберг сидит, точно усталый нищий, на ступеньках своей собственной мастерской и даже не в силах выслушать новый приговор!

Гуттенберг. Новый приговор? *(Вскакивает, апатия сразу пропадает.)* Ганс! Не надо нового приговора. Не надо! *(Снова садится.)*

Отто. Почему? Стены, небо, земля — все кричит, все возмущается несправедливостью.

Ганс Зигфрид. Там хлещут вино, там запивают позор моей дочери. Там смеются над скоморохом Гансом Зигфридом, над наивным младенцем, который искал правду и справедливость в майнцском суде... А ты сидишь, точно усталый нищий...

Гуттенберг. Не как нищий, а как хозяин. Моя мастерская, мое открытие. Я хозяин. Я, я.

Отто. Тогда надо поступать, как хозяин.

Ганс Зигфрид. Довольно! Гуттенберг! Ты пойдешь со мною?

Гуттенберг. Никуда я не пойду. Здесь мое место. Никто не переступит порога моей мастерской. Слышите? Никто! Одним ударом разможжит мой кулак самую крепкую голову.

Ганс Зигфрид. Твой кулак из мяса и костей. Не устоять ему перед железом. Фуст придет с ландскнехтами.

Иоган, если ты действительно хозяин, разреши молодцам сделать то, что они задумали.

1-й подмастерье. Вы только разрешите. Мы раз-два — и готово!

2-й подмастерье. Вы только уйдите. А еще лучше, отправляйтесь с Гансом. Если поймают нас, то сами и в ответе будем.

Гуттенберг. Что вы хотите сделать?

Ганс Зигфрид. Идем! *(Берет его за руку, уводит.)* Идем, дружище. Выпьем кружку вина. Только чтоб согреться. А они за это время выволокут все твое добро...

Гуттенберг *(вырывается, бежит обратно, кричит).* Не сметь. Не трогать печати.

Все отступают.

Я сам. *(Срывает печати, вырывает огромный замок, плечом раскрывает двери.)* Друзья, за мною! То, что должно было завтра случиться на глазах проклятых Фустов, случится сегодня. *(Исчезает в мастерской.)*

Ганс Зигфрид. Альберт, и ты, Отто, оставайтесь здесь. Караульте. *(Тоже исчезает в мастерской.)*

Альберт. Ну и силища. Такой замок вывернуть голыми руками. Приложил плечо — дверь долой... Посмотри...

Отто. Светло стало.

Альберт. Факелы, видно, зажгли.

Отто. Гляди... Дым... Посмотри на небо...

Альберт. Там жарят, варят. Целую неделю жрать будут.

Отто. Пожар!

Альберт. Пожар. Надо им сказать.

Отто. Дом бургомистра горит. *(Бежит в мастерскую.)*

Подъезжает фургон. Агнесса осаживает лошадей.

Агнесса. Альберт! Где отец?

Все выбегают из мастерской.

Ганс Зигфрид. Где горит?

Гуттенберг *(несет на спине ящик)*. Генрих! Отто! Восемь лет вы работали со мною. Берите. На три равные части я все поделил.

Отто. Не надо, мастер!

Генрих. Не хочу, мастер, я не Петер.

Гуттенберг. Приказываю. Я еще здесь хозяин. Берите. Ганс! Дай руку. Пять лет тому назад я не отпечатал твоего «Надутого индюка». Прости меня. За эту ошибку я заплатил кровью. Вместо веселой аллегории выдумай теперь печальную повесть, повесть про мастера Гуттенберга. Все, все отдал он. Молодость, душу. Все, что создали его руки и мозг, он отдал святой церкви, и она его обманула. Бегите, ученики мои. Оседайте в городах, открывайте мастерские, лейте новый шрифт, и пусть не пропадет наш тяжелый труд. Когда и вас постигнет несправедливость, вспомните, как Иогана Гуттенберга ночью выгнали из его собственной мастерской. Выгнали, но сломить его не могли. Смотрите. Горит разбойничье гнездо бургомистра Фуста. В дыму развеется награбленное добро. Я не знаю, кто совершил этот божий суд, но пусть будут благословенны руки, которые бросили первую головешку.

Агнесса. Это я сделала.

Гуттенберг. Ты? *(Долго, удивленно смотрит ей в глаза, медленно подходит, целует ее в лоб, обращается к Гансу.)* Такую дочь иметь бы мне... Будь счастлива, Агнесса...

Агнесса. Поезжайте с нами... Я вам дочерью буду...

Гуттенберг. Нет, Агнесса. Мой труд еще не закончен. Я осяду вблизи Майнца сколочу новый станок и из-под моего пресса разлетятся по миру книги, как белые голуби... Прощайте, друзья мои. *(Вскидывает мешок на плечи и медленно, согбенно уходит.)*

Ганс Зигфрид *(кричит ему вслед)*. Иоган! Друг! Пройдут годы, пройдут столетия... На людных рынках, на площадях в торговых городах, в тесных мастерских... всю-

ду будут честные люди читать печальную повесть про великого Иогана Гуттенберга... Прощай... Прощай, друг!

Генрих. А мы, его ученики, отпечатаем эту повесть, и книги наши, как белые голуби, разлетятся по всему миру.

Агнесса. Я больше не хочу видеть этот город. Генрих, натяни вожжи и гони! Гони!

Ганс Зигфрид. Опять вольный ветер, леса, дороги... Шумные ярмарки ждут своих комедиантов! В путь!

Комедиантов вас игра
Веселая зовет,
Давно притти бы вам пора,
Притти бы, ти-бы, ти-пора,
Любезный наш народ.

Придите и послушайте
Комедиантов смех,
И наши злые шуточки,
Ах, шу-та, шу-та, шуточки
Порадуют вас всех.

Занавес

КОНЕЦ

Редактор Н. Н. БОГДАНОВ
Художник Б. В. ШВАРЦ
Техн. редактор П. М. КАЗАРИН

Сдано в набор 15/XI 1938 г.
Подписано в печать 10/II 1939 г.
Формат бумаги $70 \times 108^1/_{32}$. Тираж 5000
Кол. бум. л. $1^1/_{16}$. Кол. печ. л. $2^1/_8$.
Уч.-авт. л. 2,9. Кол. печ. знак. в 1 печ. л. 62208.
Индекс № 501. Издат. № 2020.
Уполн. Главлита № А-3640. Заказ 5284

Отпечатано в типогр. изд-ва „Искусство“ „Красный печатник“. Москва, Ул. 25 Октября, 5.

Цена 1 р. 20 к.